

Бузи Миллер

«Он из Биробиджана»

Перевод с идиша — Йоэль Матвеев

Слово переводчика

Жизнь и творчество Бузи (Бориса Израйлевича) Миллера — важная веха в истории Биробиджана и Еврейской автономной области. Писатель родился в 1913 году в поселке Волковинцы Хмельницкой области Украины. После окончания семилетки работал на фабрике в Харькове, затем учился в харьковском и московском пединституте, а после окончания учебы был направлен в 1936 году в Биробиджан. С этим городом была связана вся его последующая жизнь.

Пьеса «Он из Биробиджана» в 1947 году была опубликована в альманахе «Биробиджан», а в 1948-м вышла отдельной книгой вместе с повестью «Биробиджан». Вскоре Миллера арестуют как «буржуазного националиста», и оба эти произведения будут фигурировать в обвинительном заключении против писателя.

«...Мейлер, работая редактором газеты «Биробиджанер штерн», допустил печатание на страницах газеты антисоветских статей буржуазного националиста, космополита Дер Нистера, за что в 1948 году был снят с работы и ему был объявлен выговор. Являясь ответственным секретарем группы писателей Биробиджана, Мейлер не принимал мер для развития в ней большевистской критики и самокритики, очищения ее от имевшей место затхлои нездоровой обстановки, при которой отсутствовала какая-либо борьба против проявления буржуазного еврейского национализма. Мейлер не принял меры для удаления из писательской группы никчемных, националистически настроенных писателей. Неслучайность этих ошибок объясняется тем, что и сам Мейлер заражен буржуазным национализмом, что видно из его произведений — повести «Биробиджан» и пьесы «Он из Биробиджана».

Из документов по делу Бузи Миллера

В пьесе «Он из Биробиджана» главный герой Натан Райзман повторяет жизненный путь автора: направляется из украинского местечка в столицу Еврейского автономной области. Упоминается в пьесе вскользь и Москва, а точнее — московское метро. Из жизненного пути главного персонажа мы можем заключить, что автор создает здесь свое романтическое, героическое alter ego: Натан — трижды раненый герой-фронтовик, сумевший к тому же убедить множество переселенцев последовать за ним в ЕАО. Самого Миллера по каким-то причинам на фронт не взяли. Скольких людей писателю удалось убедить поселиться в Биробиджане, нам неизвестно, однако автор был, без сомнения, искренним энтузиастом биробиджанского проекта.

Фамилии ряда персонажей соответствуют их характеру. Самая знаковая — у главного героя, Натана Райзмана. Это достаточно распространенная еврейская фамилия, но в контексте пьесы она намекает на то, что Натан — биробиджанский переселенец и путешественник. Глагол «райзн» означает «путешествовать». Символична и придуманная Миллером фамилия невесты Натана, Аси Баргтой. Означает она «горную росу». Романтическая героиня еще никогда не была в Биробиджане, но уже представляет себе дальневосточные горы и сопки. Колхозница Бейла Кройтман — простоватая душевная женщина (слово «кройт» на идише «капуста»). Политрук Красовский — военный, статный, казенный человек, а полковник Фальковский разговорчив, но вдумчив и проницателен. «Фалк» на идише «сокол».

Самая загадочная фамилия у вечно восторженного и эмоционального грузина Шалвы Велия. В ходе перевода я заподозрил, что этот персонаж мог стать для автора роковым. В самом деле, 31 января 1948 года «Тихоокеанская звезда» опубликовала рецензию Нохима Фридмана (коллеги Миллера, сотрудника «Биробиджанер штерн») на пьесу писателя «Он из Биробиджана», где подчеркивается, что в постановке Биробиджанского театра им. Л. М. Кагановича образ офицера-грузина Шалвы Велия «в пьесе крайне обеднен и стандартизирован», а актер, заслуженный артист РСФСР Ефим (Хаим) Гелфанд «усугубил ошибку автора чрезмерным подчеркиванием неправильно понятых национальных особенностей характера своего героя». Несколько наигранная стереотипизация грузинского персонажа могла сыграть роль в преследовании Миллера сталинскими властями.

Фамилия Велия, по всей видимости, выдуманная. Выяснилось, что по звучанию она мегрельская. Мегрелы — кавказская народность, близкая по языку и культуре к грузинам, считается грузинским субэтносом. Согласно фонетике мегрельского языка, эту воображаемую фамилию следовало бы транскрибировать по-русски как «Велиа», однако в переводе мы решили сохранить то написание, что уже фигурирует в упомянутой рецензии Фридмана. К тому же в годы написания

пьесы и судебного процесса над Миллером был повсеместно известен в СССР мегрел со схожей фамилией: Берия.

Слово «вели» означает по-грузински поле, степь или долину. Фамилию персонажа можно истолковать как «Полевой». Существует, однако, целый ряд близких по звучанию фамилий: Гвелия, Жвелия, Мелия. Можно также предположить, что во избежание ассоциации с какой-нибудь известной личностью Миллер специально выбрал заведомо несуществующую фамилию. Есть в ней и некое созвучие с еврейским глаголом «велн», который означает «желать», «проявлять волю», что соответствует волевому характеру героя пьесы.

Миллер создает в своей пьесе виртуальную вселенную, где все говорят на идише, однако центральный мотив всего произведения — песня, которую персонажи действительно поют на еврейском языке. В тексте перевода она дана в русской транскрипции, а в сноске приводится стихотворный перевод. Поют ее с восторгом и русские солдаты, и Велия, и украинец Гришук, и едущий с Натаном в эшелоне на фронт еврей Шапиро. Поскольку мы знаем, что настоящий автор песни — Миллер, получается, что по сюжету она стала общепопулярным патриотическим “хитом” с самых первых дней войны. Велия записывает слова песни грузинским алфавитом, а остальные записывают ее русскими буквами, изучая при этом смысл слов. Столь восторженное прославление еврейской песни в годы сталинских антиеврейских кампаний не могли не счесть «преступным национализмом».

Представлял ли Миллер своего героя поющим эту песню на своем родном украинском диалекте идиша, известном особыми певучими интонациями? Этот вопрос нам вряд ли когда-либо удастся разрешить, если не обнаружатся записи или подробные воспоминания о постановке пьесы. В мировой практике еврейского театра и кинематографа первой половины прошлого века сцены традиционно исполнялись и по сей день исполняются на так называемом «театральном», несколько усредненном украинском диалекте идиша. Так повелось со времен легендарного основателя профессионального еврейского театра Аврома (Аврума) Гольдфадена (1840–1908) — уроженца той же Хмельницкой области Украины, что и Миллер. Я решил дать транскрипцию на стандартном литературном идише.

Песня Натана Райзмана, лейтмотив всего произведения, одновременно боевая и лиричная, строго выдержана в патриотическом духе фронтовых песен. Чтобы воспроизвести этот стиль поколения наших покойных дедов, я пару часов вслушивался в известные советские песни тех лет. Трехстопный хорей, который использует Миллер, весьма напоминает военные марши. Сравните с маршем «Солдаты, в путь!»:

Путь далек у нас с тобою,

Веселей солдат гляди.
Вьётся, вьётся знамя полковое,
Командиры — впереди.

Однако, у Миллера размер еще короче и жестче:

Буря, кровь и беды,
Жизнь и смертный бой,
Но взойдет победа
Красною звездой.

Самое известное русское стихотворение в таком размере, вероятно, «Горные вершины спят во тьме ночной» Лермонтова. Процитированному выше маршу соответствуют по размеру вплетенные в пьесу две серии частушек, посвященных Биробиджану и победе над фашистским врагом. Воспевание дальневосточной природы в них сочетается с суровым военным пафосом:

Есть и олово в Хингане,
Чудо-мрамор — Биракан,
И река несет волнами
Рыбы целый океан.

...

Враг хотел нас уничтожить,
Сколько жизней он унёс,
Но конец ему положен —
Кровожадный сдохнул пёс.

Поэтическое творчество Бузи Миллера пока еще мало изучено, а некоторые советские переводы его прозы страдают от чрезмерной вольности переводчиков. За исключением небольших стилистических и фразеологических изменений в случаях, когда совсем буквальный перевод прозвучал бы для русского читателя слишком неестественно, мой перевод пьесы «Он из Биробиджана» вполне точен.

Бузи Миллер ушел из жизни в 1988 году. Его именем названа одна из улиц города. В Биробиджане периодически проводятся торжественные мероприятия в честь писателя, прославившего этот город в своих произведениях. Надеюсь, что эта работа, перевод своего рода самобытного биробиджанского героического эпоса, откроет филологам, историкам и литературоведам много нового в творчестве Миллера, в истории ЕАО и в советской еврейской литературе.

Йозель Матвеев

Он из Биробиджана

(пьеса в трех актах, девяти картинах)

Действующие лица

Натан Райзман — биробиджанец.

Лея Райзман — его мать.

Ася Израилевна Баргтой — невеста Натана.

Марк — брак Аси.

Хана — их бабушка, у которой Ася воспитывалась.

Анастасия Петровна — коллега Марка по работе.

Капитан Золотарёв — сосед.

Пятеро братьев-переселенцев Чакенберг:

Рувен

Шимен

Мойше

Хаим

Иосиф

Гришук — младший командир.

Шалва Велия — красноармеец, позже старший лейтенант.

Ермаков — представитель армейского штаба.

Красовский — старший политрук.

Матвей Леонович Фальковский — подполковник, позже полковник медицинской службы.

Поля — медсестра.

Красноармейцы:

Шапиро

Чумаченко

Макаров

Велвл Звольник — гвардии старший лейтенант.

Пиня Кудрик — гвардии старшина.

Бейла Кройтман — колхозница.

Нохемка — биробиджанский мальчик.

Солдаты, биробиджанцы, переселенцы.

Акт первый

Картина первая

Из-за закрытого занавеса доносится пение:

**Только-только я поехал,
Но уж хочется назад.
В чувстве ясном, в чувстве нежном
Мост к тебе протянет взгляд.**

Занавес открывается. Купе скорого поезда. В окне — быстро приближающийся биробиджанский пейзаж. У окна — Натан. Он поет:

**К моей милой путь-дорожка,
Я к тебе, а ты — ко мне,
В моем доме у окошка
Быть с тобой наедине.**

**Синева вокруг да сопки,
Красотою полон вид,
Где течёт Амур бескрайний,
В даль несётся и шумит.**

**Где малые пляшут дети,
Там мой край — Биробиджан,
Где в тайге стояли ели —
Вырос город-великан.**

Вагон исчезает. Свет гаснет.

Новая сцена: большой вишневый сад в небольшом городе на Украине вокруг дома Аси Баргтой. Июнь. В глубине сцены, в тени деревьев — стол. Немного ближе гамак. Справа — крыльцо дома, раскрытые окна, калитка ведет в сад.

Появляется Хана. Она выходит из дома со старинными столовыми часами, ставит их осторожно на стол под деревьями и медленно возвращается в дом.

Сцена пуста. Слышится пение Натана — продолжение песни, которую он пел в поезде:

**Моя радость, моя сердце
Здесь предложит руку мне,
Скажет: ну, держись покрепче,
На лихом скачи коне!**

С другой стороны ту же песню продолжает женский голос:

**С моей миленькою скоро
Грянут тысячи сюда,
Вместе мы свернем и горы,
И построим города...**

Натан (резво спрыгивает с крыльца, бронзовый от загара, в легкой летней одежде): Ася!..

Ася (появляется с другой стороны, стоит в лучах света между вишневыми деревьями): Натан!..

Устремляются друг к другу. Среди солнечного сада поют под деревьями вместе:

**Стройным деревом воспрянет,
Вольно, гордо заживет.
В бодрой радости предстанет
Обновлённый мой народ!..**

Натан (протягивает руку): Тогда в путь?

Ася: В путь! (Быстро разбегаются — он в дом, она в сад. Через некоторое время оба появляются снова.)

Натан (с тяжелым упакованным чемоданом на крыльце): Ася! Все готово в дорогу!

Ася: Смотри-ка, когда ж ты успел? А вот это? (Показывает ему пачку книг и тетрадей, которые держит в руке.) Я только сейчас стала проверять, что мне нужно...

Натан: Это что?

Ася: Мои книги и конспекты. Без них я не могу ехать...

Натан: Но ведь уже места не осталось!

Ася: Надо найти! Без них я ничего не стою...

Натан: Для меня?

Ася: Для Биробиджана...

Натан: Я не требую от моей невесты никакого приданого...

Ася: Но в Биробиджане я буду еще и врачом...

Натан: Ну хорошо!

Ася: Однако у всех, кого ты уже завербовал поехать к нам в Биробиджан...

Натан: Как ты сказала? «К нам в Биробиджан?»

Ася: Ну да...

Натан: Ты же еще там даже не была, переселенка ты моя!..

Ася: Так буду! Мысленно я давно уже тамошня. Ты только не думай, что ради тебя... Не думай о себе слишком много. Биробиджан и сам чего-то стоит...

Натан: Ты всегда так считала?

Ася: Что было, то прошло...

Натан: Вот это мне как раз нравится!

Ася: Так вот, у всех, кто желает ехать, ты спрашиваешь насчет их специальности...

Натан: Да, Биробиджану нужны люди с профессией, трудовики требуются Биробиджану!

Ася: Ну а я — врач. Если бы не это, ты бы не взял меня с собой, а?

Натан: Кто знает...

Ася: Ну так вот, собери тогда мои конспекты!

Натан: Только ты можешь такую катавасию придумать: как в Биробиджан ехать — так невеста, а для меня — доктор...

Ася: А не все ли равно?

Натан: Мне кажется, что не совсем... Ну, давай сюда, скоро мы и доктора где-нибудь устроим. Доктора в Биробиджане нужны... Но я люблю, чтобы вовремя было все готово, не суетиться в последнюю минуту перед отъездом.

Ася: И два дня бездельничать, да? Бабушка только и делает, что печенье нам на дорогу печет...

Натан: Но эти два дня я буду еще и работать. Мне нужно будет зайти в разные учреждения. Несколько человек из тех, кто хочет с нами ехать, не пускают, причем как раз очень хороших людей. Вот, например, младшего из Чакенбергов...

Ася: Так их потому и не пускают, что тут они тоже нужны. А ты добейся!

Натан: Уж как-нибудь я своего добьюсь. Ты же знаешь, какой я упрямый...

Ася: Немножко знаю...

Натан: Однако нелегко мне это удастся. Все спрашивают о моих «полномочиях»... А что я могу сказать? Что просто поехал в отпуск, к тебе? Разве что рассказать им о моей беседе с директором фабрики, со Звольником, перед моим отъездом из Биробиджана?

Ася: Что за беседа? Ты мне не рассказывал...

Натан: Разве нет? Ты ведь знаешь, из Биробиджана вырваться в отпуск — дело не из легких. Меня не хотели отпускать. «Едешь за невестой?» — спрашивает директор. «А как вам понравится, — отвечаю я, — если вместе с невестой я привезу в Биробиджан еще пару сотен переселенцев? Ну? Биробиджан нуждается в новых переселенцах или нет?» «Это да! — говорит. — Это нам нужно — переселенцы!»

Ася: А если бы не переселенцы, тебя бы не отпустили?

Натан: Я шучу. Отпуск мне положен. Но я же понимаю, что если привезу только свою невесту, то этого мало для Биробиджана. Биробиджану нужны люди! Много людей!

Ася: Как ты приехал, к нам все время люди ходят. Знаешь, я пару раз видела, как прохожие оглядываются и на тебя показывают: «Он из Биробиджана». С уважением это говорят. Мне даже неприятно, что я там до сих пор еще не была.

Натан: Да, я тут времени зря не терял. И кого же мы привезем с собой в Биробиджан, а? Братья Чакенберги — ценные кадры! Но одного из них, младшего, не пускают. Я вчера как раз ходил насчет него...

Ася: Я забыла тебе сказать, что они сегодня уже тут были!

Натан: Чакенберги?

Ася: Ага, все пятеро!

Натан (смеется): Ну прямо как дети малые! Это благодаря их маме. А чего они хотели?

Ася: У них к тебе какое-то дело. Наверное, как раз про это. Они еще придут.

Натан: Придут? Это хорошо! (Направляется с ней к гамаку.) Нет, не зря я тут время провел. Биробиджан от моей поездки сюда не пострадает!

Ася: А ты?

Натан (останавливается, смотрит на нее): А я? Кто его знает... (Она усаживается в гамак, и он ее медленно раскачивает.) Я тут уже три недели, да? Как быстро время пролетело! Ты-то хоть понимаешь, а?

Ася: Да, уже три недели. Когда ты приехал, я как раз собиралась сдавать последний экзамен, чуть не провалила его из-за тебя... (Срывает пару низко висящих вишен.) Вот еще о чем там буду скучать. В Биробиджане, кажется, вишни не растут?

Натан: Будут в Биробиджане и вишни расти. Все там будет расти! Поскорей бы уже туда с тобой приехать! Мы с тобой там такую работу проведем! (Опирается спиной о дерево.) Два года... понимаешь, Ася? Два года прошло, а я там за троих работал, за четверых... Но без тебя, пока ты училась в институте, мне было тяжело...

Ася: Скажи, ты действительно не мог сюда выехать чуть-чуть пораньше?

Натан: Когда ты понимаешь, как ты там нужен, на фабрике, а мою натуру ты знаешь: если уж что-то делать, так надо делать... А как начали строить новый цех...

Ася: Так его же построили?

Натан: Ну да, потом как раз директор меня и вызвал. «Ну, — говорит, — я обещал тебе два месяца отпуска, так бери их и поезжай. Только без невесты, — говорит, — не вздумай возвращаться. Уж тогда я тебе так быстро отпуск не дам».

Ася: А я тут дни считала... Вот у меня часики, я их к часовщику носила. Мне показалось, что отстают. Часовщик рассмеялся. Они на пять минут вперед бежали.

Натан: Я уж столько мечтал быть с тобою тут, где у нас вместе детство прошло... Помнишь? Кажется, мы тогда уже в седьмом классе учились. Ну да... Было дело, перед экзаменами готовили уроки у Яши Овруча. А где он сейчас, Яшка? Ты про него ничего не слыхала?

Ася: Он в Москве на заводе работает. Тоже техник, как и ты.

Натан: Засиделись мы, помнится, допоздна. Ударил ливень. Шел он долго, мы не могли его переждать и пошли по домам. Я помню: скользко, темно, молнии сверкают... Ну а мы — вдвоем. Я хотел тебя к себе прижать, чтобы ты не упала, но боялся до тебя дотронуться...

Ася: Я тоже...

Натан: Помнишь?..

Ася: А как же...

Натан: Глупые мы с тобой были...

Хана (незаметно подходит): Были?... А мне кажется, что глупее, чем сейчас, вы никогда еще не были. И так уже три недели. Мне хочется знать, как вам еще не опротивело так липнуть друг к дружке?

Натан: А мне хочется знать, как вам не опротивело, бабушка, нам постоянно мешать?

Хана: Это я вам мешаю? Хороши вы! (Подходит к часам.) Они идут, часы-то? Идут, идут... Я их вынесла на свежий воздух. Может, быстрее пойдут... Я хочу, чтоб вы поняли: время на месте не стоит. Иногда пора и покушать что-нибудь.

Ася: А нам кушать не хочется, бабушка!

Хана: Если так, Натан, принеси воды! Не с чем обед поставить. Марк скоро должен прийти...

Ася: Он ведь сегодня обещал приехать, Марк?

Хана: Да кто ж его знает-то? Но так я прикидываю, что сегодня должен приехать. Он знает, что вы тут последнее воскресенье. Уедете в Биробиджан, дожدهшься вас потом... Даже письмо бабушке написать забудете...

Ася: Поезжай с нами!

Хана: Я вижу, у тебя все просто: взяли да поехали... Вот как ты!

Натан: А я что?

Хана: Да вы-то поезжайте... Но я за вами в Биробиджан не собираюсь. Это уж точно. Что я там буду делать?

Натан: Весь Биробиджан от вашего печенья пальчики оближет, бабушка!

Хана: Мне пока хорошо, что вы там будете. Вон, Марк сейчас разберется со своей электростанцией, так он, небось, тоже за вами поедет. Не выдержит ведь? Вот тогда у вас никакого выбора не будет! Ну так где он, Марк?

Ася: Уж неделю его дома не было. Что ж это значит? Тоже мне брат... Сестра уезжает, а его не видать...

Хана: Что... Да у него работы много. Трудится, бедняга. Ведь не мелочь какая-нибудь — такую электростанцию там строят! За день такую штуку не сделаешь. Но вот чего я не знаю: сколько времени нужно построить-то? Когда у него спрашиваю, он мне отвечает, что и сам не знает. А кто ж тогда знает, если не он? Он же там вроде самый главный — главный инженер?

Ася: Говорю тебе, бабушка, что тут какое-то другое дело. Тут что-то не то. Он там в кого-то...

Хана: В кого-то — что?

Ася: Влюбился, небось.

Хана: Ишь ты! Думаешь, все такие, как ты? Он так работает, что даже перекусить забывает. Прямо горит! Если бы не это, разве сидел он по сей день холостым? Ему ничего в голову не идет, кроме этой его электростанции.

Ася: А я его уже не раз встречала на улице с...

Хана (испуганно): С кем это?

Ася: С одной...

Хана: Откуда?

Ася: Да с той самой электростанции...

Хана: Не выдумывай!

Ася: Зачем мне придумывать? Вот тебе Натан свидетель. Правда, Натан, только вчера мы их повстречали?

Натан: Ну да, у горсовета.

Ася: Я у него спрашиваю: дома будешь? А он отвечает: «Сегодня нет». Вот такими точно словами. Потом оба сели в машину и уехали.

Хана: Кто оба, какие оба? Что ты выдумываешь?

Ася: Именно с ней. Натан тому свидетель.

Натан: Да-да...

Ася: Он еще из машины что-то сказал, но я не расслышала. Натан, ты тоже не расслышал?

Натан: Нет.

Хана: Так я вашим рассказам и поверила. Думают, что весь мир, как они, ходит влюбленный. А где вода, Натан?

Натан: Ах да, вода! (Убегает, возвращается с двумя ведрами и коромыслом.) Сколько принести? Побольше?

Хана: Еще и с коромыслом! Одного ведра хватит.

Натан: Такой парень, как я, — и с одним ведром? Да я весь колодец могу на плечах притащить!

Хана: Ну ладно, неси два ведра...

Натан: Тоже мне игрушки!

Хана: Тогда неси три. Только как ты понесешь? Два на коромысле и одно в руке?

Натан: Мало!

Хана: Все еще мало? Врагам моим на голову! Неси четыре.

Натан: Это можно! Вот только кто мне будет коромысло придерживать? А? (Улыбается.) Пошли, Ася!

Хана: Ах ты! (Бежит за ним, он убегает, она кричит ему вслед.) Сам иди! А она мне тут пусть немного поможет вам в дорогу приготовить. (Пауза.) Ася!

Ася: Что, бабушка?

Хана: Так-так, значит одну меня на старости лет оставляешь?

Ася: Я тебя не оставлю, бабушка. Я хочу, чтобы ты с нами поехала. И Марк. И все, все, все!

Хана: А я вот что хочу знать, дитя мое: ты на самом деле хочешь туда ехать?

Ася: Разве меня кто-то заставляет?

Хана: То есть действительно хочешь ехать?

Ася: Я счастлива, что еду вместе с ним. Но если бы не он, то теперь, после института, все равно бы туда поехала.

Хана: Не понимаю, тебе тут что-то мешает? Чего-то здесь не хватает?

Ася: Я тебе, бабушка, отвечу, как Натан, когда у него спрашивают.

Хана: И что он отвечает?

Ася: «Мне тут всего хватает, но там не хватает меня!»

Хана: Ну-ну, пусть будет по-твоему. (Подходит к часам.) Который час? Ой, печенье уже перепеклось! (Уходит.)

Ася (одна): В Биробиджан! В Биробиджан... Сколько Натан мне о нем рассказывал... И сосед, капитан Золотарев... Русский человек, но он в тех местах служил. Как он про них рассказывал!..

Из окошка доносится голос Натана. Он поет:

**Моя радость, моя сердце
Здесь предложит руку мне,
Скажет: ну, держись покрепче,
На лихом скачи коне!**

Ася: Вот он уже идет с водой... Четыре ведра, два на коромысле, два в руках! Ну, я пошла! (Бежит ему навстречу, исчезает.)

Хана выходит с прикрытым полумиском.

Хана: Думала, уже перепеклось, но вовремя вытасила! Отличное печенье! Детям моим с ним в Биробиджане будет не стыдно, но хоть бы кто-нибудь еще там его попробовал...

Золотарев (входит из сада через калитку): Доброе утро вам, бабуля!

Хана: Доброе утро, доброе утро! Заходите, присаживайтесь!

Золотарев: Натан здесь?

Хана: Сейчас придет.

Золотарев: Я ему хотел показать — получил вот письмо из Биробиджана.

Хана: Неужели? Из Биробиджана? Вы тоже с кем-то в Биробиджане переписываетесь? У вас там кто-то есть?

Золотарев: Друзей много. Я там служил несколько лет, знакомые есть.

Хана: А нашего Натана вы там тоже хорошо знали? Часто с ним встречались?

Золотарев: О, да кто ж его там не знает? Можете гордиться, он видный человек в городе. Побольше бы таких! Далеко пойдет — так все считают, весь Биробиджан. Я ему как раз и хотел показать это письмо. Про него тоже пишут, ждут его.

Хана: Как он услышит про письмо из Биробиджана, так сразу подпрыгнет!.. Никогда еще не видела, чтобы человек был настолько влюблен в какое-то место, как он в Биробиджан. Всех с собой хочет туда притащить. Полгорода, по-моему, теперь с ним уже собирается.

Золотарев: Так это не удивительно. Те, кто хоть немного жили на Дальнем Востоке, хорошо это понимают. Золотой край! Тянет туда как магнитом.

Хана: Ну а вы, тоже бы туда опять поехали?

Золотарев: С удовольствием! Очень радуется, когда видишь, как рождаются новые предприятия, новый город, как вместе с ними рождаются новые люди... А вот и Натан!

Натан (входит, протягивает руку): Капитан Золотарев! Старому биробиджанцу — привет! Где вы пропадали несколько дней?

Золотарев (подходит к нему): В командировке, Натан, недалеко отсюда. Только что приехал с письмом. Там спрашивают про тебя...

Натан: Когда поедем обратно в Биробиджан?

Золотарев: Хоть сегодня!

Натан: Тогда я вас сразу записываю (достаёт из кармана блокнот). Вы 124-й!

Золотарев: Едут 123 человека?

Натан: И какие люди! Я тут зря времени не терял. Скоро в путь!

Золотарев: Совсем скоро?

Натан: Чемоданы уже упакованы!

Золотарев: Ну вот, тогда прошу там передать от меня живой привет!

Натан: Кому?

Золотарев: Биробиджану!

Натан: Конечно, капитан Золотарев!

Золотарев: А где Ася?

Натан: Занята, в путь готовится.

Золотарев: Рад, что она едет?

Натан: На седьмом небе!

Хана: Попробуйте, прошу вас, печенье. Только что из печки.

Золотарев (улыбается): Печенье?

Хана: Оно в этот раз очень знатное получилось, а никого, как назло, нету. Попробуйте.

Золотарев: Можно. (Присаживается, пробует.)

Натан (надкусывает печенье): Эх, дожить бы, чтоб в Биробиджане было тоже такое печенье. Погодите! (Берет еще одно печенье и убегает.)

Хана: Это он Асе унес. Как что хорошее, он всегда бежит делиться с Асей. И еще ему хочется, чтобы все хорошее было в Биробиджане тоже. Ну, как печенье, ничего?

Золотарев (ест): Знатное, очень знатное. Я в детстве дружил с одним еврейским мальчиком, часто у него дома по субботам такое печенье ел. Давно это было.

Хана: Вот теперь я вижу, что вы хороший сосед. Еще печеньице, прошу вас.

Золотарев: Спасибо. Времени нет. На минутку забежал глянуть, как тут у вас дела. Доброго вам дня, бабуля, за печенье спасибо!

Хана: На здоровье, на здоровье!

Золотарев уходит.

Хана (одна, всплескивает руками): Ой, горе мне! Часы, кажется, остановились! (Пытается что-то сделать с часами.)

Из-под вишневой ветки выглядывает Натан.

Натан: Никого нет? (Видит Хану.) Ася тут не появлялась?

Хана (испуганная): Ох, насмерть перепугал!.. Кто тебе нужен?

Натан: Ася...

Хана: Нету, нету. Ушла. Все ушли.

Натан уходит. Из-под другой вишневой ветки выглядывает Ася.

Ася: Нету? Куда он запропастился? (Замечает Хану.) Ты не знаешь?

Хана: Что ж это сегодня за наваждение такое? Кто тебе нужен?

Ася: Никто.

Уходит. Хана смотрит на часы. Тоже уходит. Некоторое время тихо. Появляются Натан с Асей.

Натан и Ася (одновременно): Ты где это?.. Ах вот!..

Натан: Капитан уже ушел?

Ася: А я думала, он с тобой.

Натан: А я думал — с тобой...

Ася: Больше никого тут нет?

Натан: Никого. (Идут.) Никого, никого...

Садятся на скамейку.

Натан: Когда ехал сюда, дорога тянулась страшно долго. Думал, с ума сойду. Чего только ни делал, чтобы избавиться от мук.

Ася: Даже дневник завел?

Натан: А ты откуда знаешь?

Ася (показывает ему блокнот): Вот!

Натан: Ты где это взяла?

Ася: Нашла!

Натан: Дай сюда!

Ася: Нет! (Открывает блокнот, читает.) «4-е июня. Месяц назад запустили в ход новый цех. Третий день в пути. Поезд мчит на полной скорости. Вчера отправил Асе телеграмму, сегодня она уже знает, что я еду».

Натан (закрывает в ее руке блокнот): Не надо. Не напоминай. Это были мучительные дни. Потом прочтешь.

Ася (показывает на блокнот): Натан! Ты же ничего плохого не пишешь... Еще лучше, чем в письмах!

Натан: Ты так думаешь?

Ася: Это правда.

Натан: Знаешь, от большой тоски я там даже, ты не поверишь, стихотворение написал.

Ася (потрясенная): Стихотворение?

Натан: Да, чтобы от тоски избавиться. Иногда, когда мне становится очень тоскливо, я пишу стихи. Мучаюсь над ними в десять потов, поэтому время быстрее летит и притупляет боль. Хочешь послушать?

Ася (с открытым ртом): Ну?

Натан: Слушай...

Подходит Хана.

Хана: Они идут, часы-то, или нет?

Ася (с нетерпением): Идут, идут, ничего с ними не сделается. (Натану) Читай!

Хана: Вы на них поглядывайте. Если что, сами ничего не делайте, сразу меня зовите.

Натан: Если что, мы тебя позовем. А как же иначе? Сами мы тут ничего делать не будем.

Ася: Мы постоянно тут смотрим на часы, бабушка!

Хана (идет, останавливается): Вы еще печенье не пробовали, а оно уж давно остыло.

Ася: А если мы есть не хотим?

Хана: Что это вы поститься затеяли? Сегодня вы еще, кажется, под хупу не идете? Если б не сосед-начальник, чтоб он так жил, никто бы их сегодня не попробовал, печенки-то. (Уходит.)

Ася: Ну так...

Натан: Над каждой строчкой, слышишь, я обливался потом. А получилось сам не знаю что.

Ася: Читай же!

Натан делает паузу, собирается начать читать. Кто-то стучится в калитку. Ася бежит, открывает, обращается к Натану:
— Чакенберги!

Натан (забывает обо всем на свете): Они мне очень нужны!
Направляется к ним.

Входят пятеро братьев Чакенбергов. Старший, Рувен — высокий, широкоплечий здоровяк с крепкой шеей. Массивная голова коротко подстрижена, солидная седина. Седоватые вислые усы, глубоко посаженные искрящиеся глаза, тяжелые, немного вытянутые вперед руки, будто он всегда готов поднять тяжелый груз. Шимен — невысокого роста, потоньше, с загорелым, как у цыгана, лицом. Все время молчит, лишь изредка вставит слово. Мойше и Хаим — немного ниже Шимена, одного роста, крепкого сложения, похожие друга на друга как две капли воды — двойняшки. Здоровые, светлые, улыбчивые лица. Много говорят, друг друга перебивая, умолкают только если кто-нибудь из старших братьев бросит на них взгляд. Младший, Иосиф — 19-летний, невысокий, сильный и стройный парень с черной копной волос и пронзительным взглядом.

Рувен: Приветствую!

Шимен молча кивает.

Мойше и Хаим (одновременно): Здравствуйте!

Иосиф: Привет!

Натан (с готовностью): Садитесь, семья Чакенберг, садитесь!
(Оглядывается.) Вам тут всем хватит места!

Рувен (все остальные братья на него смотрят, пока он говорит): Спасибо, мы можем постоять. Мы готовы ехать...

Мойше: Все барахло уже упаковали...

Хаим: Я даже инструмент уже сложил...

Рувен (бросает взгляд на братьев, они замолкают): Товарищ Райзман, мы к вам пришли, как будто... Как бы это сказать?..

Хаим: Как к отцу!

Мойше: Как к отцу родному!

Шимен молча кивает.

Иосиф (разгоряченно): Вы понимаете, МТС уперлась!

Шимен смотрит на братьев, те замолкают.

Рувен (Натану): Покажите-ка мне документ, где мы у вас записаны.

Натан: А зачем? Вы все у меня записаны.

Рувен: Нет, я человек простой, понимаете, деревенский. Все мои годы в деревне с кувалдой. Мне надо видеть, как там говорится.

Хаим: Черным по белому!

Мойше: Вот-вот, черным по белому.

Шимен кивает.

Натан (достаёт записку, показывает ее братьям, громко читает вслух): Вот, семья Чакенберг: Рувен — кузнец, Шимен — маляр, Мойше — токарь, Хаим — слесарь, Иосиф — тракторист.

Рувен: Ну а члены семьи? Родословие, так сказать, Иакова? Семьи то есть, семьи-то как записаны?

Натан: Семьи? Вот:

— Рувен Чакенберг — вдовец, шестеро детей. Шимен — жена и четверо детей. Мойше — жена и трое детей. Хаим — жена и двое детей. Иосиф — холостой.

Рувен (не даёт братьям высказаться): Правильно! Тут все правильно записано. Но дело вот какое: я боюсь, что ничего у нас не получится. Вообще ничего.

Натан: А что такое?

Рувен: Потому что ему вот (показывает на Иосифа) отказывают. Категорически.

Мойше: И никакие разговоры не помогли.

Хаим: Мы все ходили, нас и слушать не хотят.

Шимен согласно кивает.

Иосиф: Не желают нас выслушать!

Рувен: А без него, понимаете ли, товарищ Райзман, весь план не клеится. Потому что весь наш интерес тут, понимаете, состоит в том, чтобы всем нам, вот как вы сейчас нас видите, всей семьей, но именно всей семьей, переехать в еврейскую область и навсегда там поселиться. Вот это самое главное. Мы давно уже решили это сделать, не вдруг сейчас это надумали, но все не могли решиться. А как вы прибыли и нам рассказали, как там и что, и мы получили, как говорится, живой привет, так решили окончательно.

Натан: Кто же вас не пускает?

Рувен: Но если кто-то из нас здесь останется, вы понимаете, интерес отпадает, невозможно. Вот мы и пришли к вам, как бы это сказать...

Хаим: Как к отцу.

Мойше: Как к отцу родному!

Шимен: Помогите нам!

Натан смеется.

Рувен: Я не понимаю, что тут смешного? Я думал, что как раз наоборот...

Натан: Вы можете спокойно идти домой и собирать вещи.

Рувен: То есть?

Мойше: Дело уже решено?

Хаим: Окончательно?

Натан: Окончательно!

Рувен: Но как же? Мы вам объяснили всю ситуацию, что ничего не помогло.

Натан: Объяснили... Объяснять можно по-разному. Был я в райкоме...

Рувен: В райкоме? Так мы тоже все впятером, честное слово, ходили в райисполком.

Натан: Вы говорили от вашего имени, а я — от имени Биробиджана. Если Биробиджан, мне сказали, тогда совсем другое дело. Они думали, что он просто хочет уйти. Но если в Биробиджан... Словом, все в порядке. Что еще, братья Чакенберг?

Рувен: Ну, если так, то хорошо. Очень даже хорошо. Но тогда еще вопрос...

Натан: Что еще?

Рувен: Мама...

Натан: Что — мама?

Хаим: Мама тоже едет!

Натан: Но ведь она не хотела ехать...

Рувен: Мы ее уже уговорили.

Иосиф: Сагитировали!

Рувен: Вы понимаете, я ведь вам уже сказал: тут мы жили, все пятеро братьев, по разным углам. Я жил в деревне, работал в кузне. Он (показывает на Шимена) в местечке, они (показывает на Хаима и Мойше) тут в городе, на заводе, а тот (на Иосифа) — в МТС. Мама ездила «от нас до вас», месяц тут, месяц там. А как семья мы, понятное дело, все годы стремимся вместе жить. И вот, в Биробиджане мы хотим быть вместе,

скажем, в колхозе, или при МТС, или вообще на предприятии. Ну а раз мы вместе, без мамы-то мы не можем, сами понимаете.

Мойше: Без мамы — никак.

Хаим: Как это можно — без мамы?

Натан: А она согласна?

Рувен: Она все боялась ехать в такую даль... Не молодая уже... Слишком далеко для нее, говорит... Но мы ей объяснили.

Шимен: Растолковали.

Мойше: К каждому из сыновей, говорим мы ей, не придется так далеко ехать.

Хаим: Но если все сыновья вместе едут, мы ей говорим, то надо готовиться в путь.

Рувен: Это же понятное дело.

Иосиф: Стоит того! А? Ко всем сыновьям вместе?

Хаим: Еще как стоит!

Натан: И она поддалась уговорам?

Рувен: Вот поэтому мы к вам и пришли, чтобы сказать: впишите ее тоже.

Иосиф: Маму — тоже!

Натан: Вообще-то я уже на вокзале договорился насчет мест. Но для мамы место всегда найдется! Передайте маме, что в Биробиджане ее примут с честью. Мать братьев Чакенберг — это не просто мама: с такими мамами, чтоб они были здоровы, нам на долгие века будет счастье. (Берет список.) Вписал и маму тоже. Как зовут вашу маму?

Рувен: Хена, Хена бас Цви Чакенберг.

Хаим: Хена Гершовна по паспорту.

Иосиф: 69 лет.

Натан: Хену Чакенберг тоже вписал. Теперь уже вся семья Чакенбергов?

Рувен: Вся!

Мойше: До одного!

Рувен: Раз так, мы можем идти. Кажется, все. Хорошего вам дня, товарищ Райзман!

Шимен кивает.

Хаим: Пока!

Мойше: Пока!

Иосиф: Привет!

Натан: Послезавтра в путь! Маме передайте, чтобы не боялась дороги. Она у нас в мягком вагоне поедет.

Мойше: Мы уже все барахло упаковали.

Хаим: Я даже инструмент уже сложил.

Уходят. Натан провожает их до калитки.

Все время, пока Натан беседует с Чакенбергами, Ася сидит невдалеке с его блокнотом в руке и прислушивается к беседе. Когда они уходят, она ненадолго откладывает блокнот, притрагивается к вишневой ветке.

Ася: Песня... (поет):

**Моя радость, моя сердце
Здесь предложит руку мне,
Скажет: ну, держись покрепче,
На лихом скачи коне!**

Снова заглядывает в дневник: «6 июня. Позавтракал в ресторане. Сегодня мне пришла в голову особенная мысль, как лучше расположить людей у двух агрегатов нового цеха, чтобы не чувствовалась нехватка работников. Написал директору. Отправил Асе телеграмму — рифмованную, от нечего делать. Байкал был вчера ночью, пока мы спали».

Ася (задумывается): Вот теперь я с ним тоже поеду по тем дорогам в Биробиджан... Работать, работать!

Натан (подбегает): Ася! Братья Чакенберг тоже едут! С мамой! Как думаешь, такая семья кое-чего стоит для Биробиджана?

Ася: Прочитай же мне стихи...

Натан: Ах да, стихи.

Ася: Ну...

Натан (делает паузу, собирается начать читать. Вдруг заявляет): Да что там стихи, если ты здесь! Ты моя самая прекрасная песня!.. Ты... и братья Чакенберг!

Марк (резко распахивает калитку, вбегает, запыхавшись): Ой, ребята, не нравится мне вся эта история! Скоро едем! Едем... машина ждет! Только б не опоздать!

Ася: Марк, я ничего не понимаю. Неделю не появляешься — и вдруг в такой суматохе, у-у-у!

Марк (смотрит на нее): Асенька, может, ты думаешь, что перед тобой твой Натан?

Ася: Нет, это ты мне скажи, ты вчера в городе был?

Марк: Был.

Ася: С Анастасией Петровной?

Марк: Да, с Анастасией Петровной.

Ася: А меня с Натаном ты видел?

Марк: Вроде...

Ася: Ой-ой-ой, он говорит «вроде».

Марк: Ну да, видел... Так что же?

Ася: Как это, «что же»?

Марк: А вот так, Ася, ты меня поймешь. Электростанцию мы должны были запустить за шесть месяцев до срока. Понимаешь, на полгода раньше? И вот это, пока не получится, я не должен был вам сообщать. Поняла? Как бы я вам объяснил, почему целыми неделями не бываю дома? А?

Ася: Ну а Анастасия Петровна?

Марк: Анастасия Петровна, наш парторг? Мы с ней вдвоем горы перевернули. Но вот спроси у меня, Асенька, какие у нее глаза, у этой Анастасии Петровны. Хоть убей, понятия не имею. Времени не было приглядываться. Хотя нет, кажется, это я вру. Вроде черные у нее глаза. Черные, ага.

Ася: Но как ты вчера мог переночевать в городе и к нам даже на минуту не зайти? Даже на миг?

Марк: Вчера? Ты с ума сошла?! Вчера был последний день перед запуском электростанции. Мы не знали вообще, где мы и что мы... Весь день туда-сюда на машине из города на станцию и обратно. Это же не игры, последние этапы подготовки...

Ася (подпрыгивая): Что ж ты молчишь? Так запускают сегодня станцию?

Марк: А зачем я сюда прилетел сейчас как сумасшедший, как ты думаешь?

Ася: Молчит...

Марк: Кто молчит? Я молчу? Сегодня... Гвалт! (Обнимает ее, кружится с ней и от радости целует.) Сегодня запускаем электростанцию на полгода

раньше срока, а потом я уже смогу тоже поехать с вами в Биробиджан. В Биробиджане ведь нужно строить электростанции? (Обнимает одной рукой Асю, другой Натана.)

Натан: Еще как надо!

Марк: Едем на открытие! Весь город уже там! Вас ждут! Скорее!

Ася: Сейчас! (Убегает переодеваться.)

Марк: Жить и любить! Строить счастье!

Натан: Да, счастье!

Замечает, как проходит капитан Золотарев.

Натан: Капитан Золотарев, на открытие электростанции!

Ася: Готова! (Выбегает празднично одетая. На улице воеет сирена.) Не думала, что до отъезда в Биробиджан мы успеем побывать на открытии электростанции.

Натан: Да, Ася, это хороший знак.

Марк: А где бабушка? Я бы хотел, чтобы она с нами тоже поехала, наша бабушка!

Ася: Она занята. Готовит нам сегодня праздничный ужин.

Марк: Вот как раз после открытия мы устроим пиршество — за электростанцию, за ваш отъезд в Биробиджан, за все и за всех сразу! Пошли!

Хана выбегает в спешке на крыльцо.

Марк: Бабушка, где ты бегаешь? Пошли с нами на открытие.

Гудок автосирены на улице перерастает в долгий вой сигнала тревоги.

Хана: Что открылось? Горе мне, что открылось? Вы радио послушайте! (Показывает на дом.) Война, говорят!

Марк (обращаясь к Натану и Асе): О чем это она?

Натан: Что такое?

Хана: На Киев сбросили бомбы. Говорят, еще где-то тоже. По радио. О, горе мне!

Натан быстро бежит в дом, вскоре появляется с бледным лицом на крыльце.

Натан: Война! Молотов говорит...

Занавес

Картина вторая

В саду. Облачный день.

Хана (ходит с потерянным видом): День с ночью смешались... Который час? Уже три дня часы стоят. Горе мне, где же дети? Дети где? (Входит в дом.)

Приходят Марк с Асей. Ася с противогазом на плече.

Ася: Что думаешь теперь делать, Марк?

Марк: Не знаю, ничего не знаю...

Ася: Я все еще не могу решить... Даже не успела еще собраться с мыслями. Что же будет?

Марк (тяжело садится, обхватывает руками голову): Всё сразу... всё сразу (слышится шум машин).

Ася (подбегает к калитке): Машины, машины на вокзал... Едут на фронт. Что же делать, Марк? Посоветуй что-нибудь.

Марк: Ася, мне тяжело давать советы. Лучше всего теперь у себя, у самих себя спрашивать.

Ася: Куда попала бомбежка?

Марк: Только мы подошли к кладбищу — и налетели... Мы залегли между могил. Недалеко от нас была вырыта свежая могила. (Тяжело поднимается, идет.)

Хана (выходит, видит Асю): Ася, у меня чуть сердце из груди не выскочило. Что же будет, Ася?

Ася: Надо взять себя в руки.

Хана: Легко сказать...

Ася: Ой, бабушка, нелегко. Марк пришел.

Хана: Что с ним случилось за последние дни. Горе-горюшко. Лучше б я не дожила до такого.

Ася: Только не это! Сейчас надо, просто необходимо жить!

Хана: Что же ты думаешь делать?

Ася: Надо найти работу. Надо что-то делать, делать, нельзя сидеть сложа руки. (Крепко сжимает пальцы.)

Хана: Да уж ты, по-моему, все пальцы себе изломала!

Ася (опомнившись): И руки себе не ломать! Гнуть нынче надо железо!

Анастасия Петровна (входит): Доброе утро! Марк Израилевич здесь?

Ася: Ах, Анастасия Петровна, вам Марк нужен? Прямо сейчас?

Анастасия Петровна: Да, нам необходимо сейчас же ехать на электростанцию.

Ася: Что-то случилось?

Анастасия Петровна: Нет. Но нужно быть на месте. Каждую минуту может что-то случиться.

Ася: Сейчас. (Зовёт) Марк!

Марк (входит медленно, пригнувшись): А, Анастасия Петровна! Уже надо ехать?

Анастасия Петровна: Да. (Отзывает его в сторону, что-то тихо говорит.)

Марк (громко, выйдя из себя): Что вы говорите? Кто такое сказал? Да я... (с возмущением) Там же каждая искра — капля крови. Моей, вашей, каждого.

Анастасия Петровна (смотрит на него потрясенно): Да... Но вы же знаете, о чем речь. Если они...

Марк (с потерянным видом трет себе лоб): Да... Но ведь тяжело, очень тяжело. Я сейчас сам не знаю, что говорю. Если придется, то дело ясное... (Вдруг разъярившись.) Да я сам, сам это сделаю! Сам! Ее обломки мне будут милее, чем эти сияющие стены! Смерть и тьма их тут встретит! Если придут...

Ася: Что делать? Надо быстрее решать. Где Натан?

Входит капитан Золотарев.

Золотарев: Я пришел попрощаться, друзья мои!

Ася: Вы едете?

Золотарев: Да, скоро. Оставайтесь в добром здравии! (Пожимает Асе руку, держит ее некоторое время в своей руке.) Если после боя мне доведется попасть в руки к врачу, хотел бы я, чтобы этим врачом были вы...

Ася: Я еще совсем неопытный доктор, капитан Золотарев!

Золотарев: Иногда опыт — это еще не все. Ну, будьте здоровы! Пожимает руку Анастасии Петровне и Марку.

Золотарев (обращаясь к Марку): Электростанцию вашу вы запустили в ход на полгода раньше срока, но, если что... без колебаний. Вы слышите? Выстроят новую, еще краше, чем эта. (Стоя уже у двери.) Вы знаете, что Гитлер собирается с нами сделать? Уничтожить! Мы ему

покажем, что могут советские люди, что могут русские! Будьте здоровы!
(Уходит.)

Ася: Все едут.

Марк ее обнимает, Анастасия Петровна прощается.

Ася (Анастасии Петровне): Прошу вас, Анастасия Петровна, приглядывайте там за Марком как родная! Прошу вас...

Марк и Анастасия Петровна уходят.

Хана (Асе): Теперь если и ты уедешь, то всё...

Ася: Бабушка, ложись отдохни, уже несколько суток не спишь. Я пока еще не уезжаю. (Хана уходит.) Надо тоже готовиться в дорогу... (Идет к калитке.) У вокзала полные машины. Всё едут и едут на фронт.

Рувен Чакенберг (заходит): Доброе утро! Как говорится, хотелось бы пожелать лучшего.

Ася: Доброе утро!

Рувен: Вот ведь как... А у нас уж всё было собрано, готово в дорогу.

Ася: Хорошо, что собрано. Хорошо, что готово. Все равно придется в путь!

Рувен: Да, Хаим с Мойше уже уехали, наверное. Они сегодня едут. Шимен тоже. Меня пока еще не призвали, но я сидеть не буду. Я человек простой. Пару дней подожду и сам пойду.

Ася: А где Иосиф?

Рувен: Иосиф? Ушел, записался добровольцем. Гитлеру, будь стерто его имя, не захотелось, чтобы семья Чакенберг была в Биробиджане. Собирались, собрались... По правде, долго собирались, и таки собрались, но пришел Гитлер и сказал: «Нет!» Но, будь он проклят, ничего у него не выйдет. Братья Чакенберг пройдут теперь еще один путь... но не будет так, как хочет Гитлер. Имя его и память о нем пусть будет стерта!

Натан (забегает): Ася! А, и Рувен Чакенберг тоже здесь. Что слышно?

Рувен: Мы едем, значит?

Натан: Едем, едем!

Рувен: Хаим и Мойше уже, наверное, уехали. Шимен тоже.

Натан: Я их повстречал в военкомате.

Рувен: Меня пока не призывают. Я подожду пару дней и сам пойду. (Бросает взгляд на Натана, на Асю.) Чтоб мы были здоровы! Быть может, еще когда-нибудь увидимся...

Натан: Мы должны с вами увидеться, Рувен Чакенберг! И именно там, где хотелось бы!

Рувен: В Биробиджане?

Натан: В Биробиджане.

Рувен: Теперь нам предстоит другой путь. Оставайтесь в добром здравии! (Уходит.)

Ася: Где ты был?

Натан: Везде! В комиссариате, на телеграфе. Мой эшелон уходит сегодня.

Ася (встрепенувшись): Уже?

Натан: Через час я должен быть на пункте сбора.

Ася: Через час? Но ведь...

Натан: Видишь, как все получилось... А ты?

Ася: За меня ты не переживай. Я уже решила. Твердо решила.

Натан: Что?

Ася: Сделаю то же, что и ты...

Натан (берет ее за руку): Будем верить, Асенька, что все будет хорошо. Теперь есть только один путь, один-единственный. Не тот, о котором мы неделю назад мечтали...

Ася: Да, теперь у нас с тобой два разных пути...

Натан: Но мы с тобой пойдем к одной цели...

Ася: Кто знает...

Натан: Я уже отослал телеграммы.

Ася: Куда?

Натан: В Биробиджан.

Ася: Что пишешь?

Натан: Три слова: «Еду на фронт». Маме тоже. А она нам там уже квартиру приготовила...

Ася: Ты мне его, Биробиджан, словно нарисовал... И капитан Золотарев. Он так и стоит у меня в глазах, а вдали сопки и Бира. Как ты думаешь, нам еще доведется попасть в Биробиджан?

Натан: Думаю, да.

Ася: Но когда?

Натан. Видать, не так скоро. Помнишь:

**Мне не вернуться в землю снова,
Пока не дозвучит
Освобожденья слово...**

Ася: Чье это?

Натан: Забыла? Это же Шварцман. Ошер Шварцман. Помнишь, еще в школе, в седьмом классе, вы с тобой его учили. Вспомнила?

Ася:

**Скорей к коню,
Будь сталь мой знак,
И меч к ремню,
Копьё — мой флаг!**

Натан:

У врат собрался враг!

Ася: Да, в седьмом классе. «У врат собрался враг!»

Хана (входит): Натан!

Ася (Хане): Как спалось, бабушка?

Хана: Не спится.

Ася: Бабушка, Натан уезжает.

Хана: Тоже?

Натан: Через час.

Хана: Все уезжают...

Ася: Надо собираться в дорогу!

Натан: Много ли нужно солдату?..

Идут к дому. Через некоторое время выходят. Он с рюкзаком на плечах.

Натан (Хане): Будь здорова, бабушка!

Прощается. Она вытирает слезы. Натан делает шаг к Асе. Она к нему припадает.

Натан: Ася! Не надо!

Ася (поднимает голову, смотрит на него сквозь слезы): Пора...

Натан: Я так тебя люблю! Идем? А ты когда в путь?

Ася: Наверное, на днях. С больницей. Ты все с собой взял?

Натан (показывает на рюкзак): Все!

Ася: Чуть не забыла...

Бежит в дом, выносит маленькую резиновую дорожную подушечку.

Натан: Что это?

Ася: Вот так ее надуешь, будет под головой мягче. Будешь лежать и иногда думать обо мне.

Натан (берет подушечку): Я всегда буду ее носить с собой.

Ася: И еще вот это с собой возьми. (Долго его целует.)

Натан: Дыхание моей любимой будет меня хранить от всякого зла.

Уходят.

Занавес

Картина третья

Вагон и военный эшелон. В открытых люках — головы в красноармейских пилотках. Только что отъехали от станции. У широко раскрытой двери вагона сидят красноармейцы.

За ними, на деревянной перекладине сидит посередине Гришук, здоровый молодой украинец, и с жаром играет на гармонии. Спиной к нему, верхом на перекладине и балансируя в такт ходу поезда, бредется небольшого роста красноармеец — Шапиро.

Справа у двери стоит Натан.

Гришук (отставляет гармонию, обращается к бредущему красноармейцу):

Шапиро! Жизнь тебе не дорога, или не хочешь целым до фронта доехать? Не мог на станции побриться?

Шапиро: Не успел, Гришук. (Бредется.) Думал, поезд еще постоит, а он взял да пошел!

Гришук: А до следующей станции дотерпеть не мог?

Шапиро: Не, не мог. Никак.

Гришук: Что так?

Голос из вагона: Его на следующей станции невеста дожидается.

(Смеются.)

Гришук: Ну смотри, оставь на своем светлом облике хоть одно целое место, чтоб ей было куда поцеловать. (Все смеются.)

Доносятся обрывки разговоров из разных уголков вагона. Два красноармейца в первом люке:

Первый: Уж далёко отъехали от дома... А, Макаров?

Второй: Далёко, Чумаченко, далёко...

Два красноармейца в другом люке:

Первый: Эх, к чёртовой матери, только полгода как женился. Все мои родненькие там остались...

Второй: А у меня перед самым отъездом сын родился... Сын! Кто мог подумать, что на свете такие времена наступят...

В первом люке:

Чумаченко: Уж столько станций проехали. И на каждой — приветствуют, провожают как своих, как родичей. Страх как не люблю прощаться. Вся душа переворачивается.

Макаров: Это ты прав, на станциях как родных людей провожают. А мне это нравится. Едешь и едешь, а вокруг везде тебе все родные. Так даже о смерти, если случится, думать веселее...

Во втором люке:

Первый красноармеец: Но у меня жена порядочная, я за нее не боюсь, будет ждать...

Второй красноармеец: Эх, добраться бы уже до гитлеровых костей! Ух!

Велия выглядывает из первого люка, на голову выше беседующих красноармейцев. Вставляет красную розу в карман гимнастерки.

Велия: О! Именем моим... Шалва Велия... с вот этой розой в бой пойду! (Обращаясь к вагону.) Никто не слышал, как ту девушку звать? Жалко.

Розу успел поймать, а имя не расслышал. Она что-то крикнула, но что?

(Натану) Эй, Райзман, ты все время у двери стоишь — не расслышал?

Натан (призадумавшись): Нет, Велия, не расслышал.

Велия: Что-то ты сегодня задумчивый, Райзман!

Натан: Тут есть о чем задуматься, Велия...

Велия (пробирается к Натану, становится рядом с ним): Странно... Вот, скажем, встретил ты человека. Девушку. Она тебе понравилась. А ты уехал. Ты больше ее не увидишь, понимаешь? Ты даже не знаешь ее имени... Для тебя ее уже как бы никогда и не было. Была и умерла. А, странно ведь? Как Сулико... Вот так и буду ее звать, когда буду о ней думать: Сулико.

Усаживается, свесив ноги из вагона, поправляет розу и запекает по-грузински «Сулико». Гришук ему подыгрывает на гармонии.

Гришук (прерывает мелодию, из середины вагона): Товарищ политрук, разрешите обратиться.

Красовский: Говори.

Гришук: У вас есть, кажется, газета с последней сводкой?

Политрук Красовский: Последнюю мы на следующей станции получим. У меня есть вчерашняя. Некоторые ее уже на станции читали.

Гришук: Позвольте вчерашнюю! Ребята, тише!

Красовский занимает место на перекладине. Гришук отставляет в сторону гармонь. Бреющийся красноармеец оставляет бритву, остается с небритой щекой. Все остальные сдвигаются вместе. Становится тихо. Читает:

«Днем 1-го июля наши войска вели упорные бои на Мурманском, Кексгольмском, Двинском, Минском и Луцком направлениях. Решительными контрударами наших войск атаки противника были отбиты с большими для него потерями».

Шапиро: Так его!

Гришук (задумавшись): Чего он хочет, этот Гитлер, что он вообще думает, а?

Красовский: Он нас уничтожить хочет.

Гришук: Как Польшу, как Бельгию?

Красовский: Да, так он задумал.

Гришук: Дудки! Руки у него к тому же слишком коротки. А, как думаете? Но все-таки, как он думает этого добиться? Хотел бы я знать, на что он вообще надеется?

Красовский: Очень просто. Он считает, что ему удастся натравить наши народы один на другой. В том и состоит вся его политика. Но он,

видимо, одно не понимает: что мы одна семья. Вот! (Сжимает пальцы в кулак.)

Гришук: Да и не один кулак! Что скажете, земляки?

Голоса: Не один! Не один! (Все сжимают кулаки.)

Красовский: Правильно, Гришук. Русские прусских всегда бивали, это еще Суворов сказал. А теперь вместе с русским народом такая сила! Как сказал поэт: «Рать поднимается неисчислимая».

Натан смотрит на дорогу и негромко поет¹:

*Силхн эйсэ штрайтн
Аф йедн штэг ун вэг,
Ин ди вайтэ вайтн
Трогт эс мих авэк.*

*Ойх фун дир, майн либе,
Бин их видэр вайт.
Штиле тэг форибер,
Штурэм зей фарбайт.*

*Штурэм, блут ун шлахтн
Аф лэбм ун аф тойт,
Биз дэм тог гегартн,
Вэн зиг вэт уфгейн ройт.²*

---

¹ Песню Натана приводим здесь в транскрипции (перевод ниже), поскольку герои пьесы исполняют ее именно на идише, и этот момент — лейтмотив всей пьесы. Натан, вероятно, пел на своем родном украинском диалекте (он был родным и для Бузи Миллера), но в данной транскрипции использован литературный идиш, который звучит несколько иначе. Согласные «л», «н» и «м» на конце слов часто образуют в идише слог, подобно гласным. — Прим. пер.

² С пламенем и громом
Каждый поворот,
Пусть по далям новым
Путь меня несёт.

От тебя, любимой,
Снова я вдали,
Дни спокойной жизни
Бури унесли.

Буря, кровь и беды,
Жизнь и смертный бой,
Но взойдет победа
Красною звездой.

Велия (Натану): Райзман, как тебя по имени зовут?

Натан: Натан.

Велия: Хорошая у тебя песня, Натан. Не зря ее у тебя товарищи переписали. Смотри... (Вынимает из кармана, из-под розы, кусочек бумаги.)

Вот тут я записал твои слова грузинскими буквами, уже почти наполовину выучил. «*Силхн эйсэ штрайтн аф йедн штэг ун вэг*»... Так? (Повторяет слова по-грузински.) Правильно?

Натан (улыбается): Правильно.

Велия (смотрит в бумажку, читает, объясняет по-грузински): «Тихие дни прошли, сменились бурей...»

Гришук: Братцы, а я песню Натана уже целиком наизусть выучил. Хотите?

Велия: Ого! Как это у тебя так быстро получилось?

Голос из вагона: Не с начала. Начало мы все уже знаем. Дальше пой, если знаешь.

Гришук (весело): Можно и дальше! (Поет, играет на гармони. Все слушают.)

*Куриц згевэн ди трэфунг,
Ди цешейдунг — инэл.
Вэр кэн ицтэр трэфн,
Кумэн вэн их вэл...³*

Гришук (по-молодецки подмигивает вагону): Ну?

Велия (с нетерпением): Дальше!

Гришук (Натану): Помогай!

Натан: А ну, подхватывайте, кто может!

Поет дальше на пару с Гришуком. Последние две строки каждой строфы повторяет хором весь вагон. В хоре выделяется голос Велия.

Гришук-Натан:

*Кумэн вэл их кумэн,
Дос, майн либе, вэйс,
Видэр вэсту блумэн
Цутрогн мир эйс.⁴*

---

³ После скорой встречи
Разные пути.

Кто же мне ответит:
Долго ли идти?

⁴ Я вернусь, родная,
Я приеду, знай,

Хор:

*Видэр вэсту блумэн
Цутрогн мир эйс.*

Гришук-Натан:

*Свэт дэр имл видэр
Шайнэн зуник-эл,
Либе, фрэйд ун фридн
Зайн вэт аф дэр вэлт.⁵*

Хор:

*Либе, фрэйд ун фридн
Зайн вэт аф дэр вэлт.*

Гришук-Натан:

*Дан фар ундз инцвэиен
Ткумэн ойх ди фрэйд,
Лэцтн вэй цевэиен,
Мэр нит зайт цешейт.⁶*

Хор:

*Лэцтн вэй цевэиен,
Мэр нит зайт цешейт.*

Гришук-Натан:

*Зол ин глик фун вэлт дан
Зайн ундзэр гоб гебрахт.
Из форойс, ви элдн,
Ин герэхтн илахт!⁷*

Хор:

*Из форойс, ви элдн,
Ин герэхтн илахт!*

Ты меня с цветами
Снова повстречай.

⁵ Солнышко проснется
И засветит вновь,
В мире улыбнется
Радость и любовь.

⁶ Будет нам с тобою
Весело тогда —
Без беды с тоскою,
Вместе навсегда.

⁷ Мы за мир с мечтою
Жертвуем собой —
Так вперед, герои,
В справедливый бой!

Велия (горячо): Не будь мое имя Шалва Велия, если завтра не смогу петь эту песню с начала и до конца! Натан, твоя?

Натан: Да.

Велия (удивленно): Ты стихи пишешь?

Натан: Нет.

Гришук: Так как же?

Натан: Вот как. Порой бывает грустно, начинается грызть тоска. В голову лезут строки — иногда свои, иногда чужие. Хватаешься за них — с ними становится веселей. А у вас не бывает такого?

Гришук: По правде, бывает. А напев?

Натан: Напев? Было пару раз... встаю я ночью. Один. Поздно. Все спят. Небо светлое. Звезды. Поезд всё едет и едет. В голове путаются разные воспоминания... (Пауза.) Вот и напев.

Велия: Я вижу, у тебя тоже есть такая, как моя Сулико?

Натан: Сулико? Ты ее только чуть-чуть увидел, а уже тоскуешь. А у меня...

Велия: Невеста?

Натан: Да.

Гришук: Где ты ее оставил?

Натан: Теперь она, наверное, уже уехала.

Гришук: Куда?

Натан: Этого я не знаю. Пока не знаю...

Велия: Как же вы теперь узнаете друг о друге?

Натан: Мы оба напишем кому-нибудь из родных, и тогда они нам дадут знать.

Гришук (Натану): Не беспокойся, отыщется! Жалко вот только, что твою песню она не знает. Хорошая песня. Айда, братцы, кто хочет эту песню выучить? Все равно грустно, и ехать еще долго.

Несколько голосов: Давай! Давай!

Гришук (Натану): Ты возьми одну группу, а я другую группу, как вчера. Увидишь, хорошо пойдет. Сегодня они уже неплохо поддержали.

Кто с блокнотом, кто с листком бумаги, где записаны слова песни, придвигаются ближе к Гришуку и Натану.

*Силхн эйсэ штрайтн
Аф йедн штэг ун вэг...*

Велия (смотрит в окно): Смотрите! Девушки, девушки! Смотрите-ка!

Гришук: Старики, дети... (Машет приветственно рукой.) До свидания, до свидания!

Макаров: Хлеб жнут...

Чумаченко: Пожилые, женщины... Давно уже не видели нашего брата в поле.

Макаров: Наш брат — вот! Наш брат едет на фронт! (Машет приветственно рукой.)

Велия (сильно наклоняется наружу из вагона): Ну, ну, скорее, скорее! Айда, запрыгивайте к нам. Мы вас с собой возьмем, мы тут недалеко едем!

Гришук (тоже наклоняется наружу): К нам сюда! В тот вагон не надо! (В вагон летят несколько букетов цветов.) Вот! (Расхватывают цветы.)

Велия (трясет букетом): Спасибо! Как вас зовут, девушки?!

В другую дверь тоже летят цветы, их хватают. Доносятся крики: «Счастливой дороги!» Красноармейцы еще долго стоят, выглядывая из двери и окошек с цветами в руках, машут вдаль.

Гришук показывает Натану цветы, которые держит в руке. Один цветок передает Натану.

Гришук: Держи, будто это тебе твоя подарила. А как ее зовут, твою невесту?

Натан: Ася.

Гришук: Красивое имя!

Натан: Да. Мы с ней собирались ехать совсем по другим дорогам... Жаль, друзья, что вы у нас в Биробиджане не были...

Гришук: Я знаю. Из местечка, где я жил, много евреев туда уехало. Еще в самом начале, когда там только начали строить. Много уже успели построить?

Макаров (встает рядом): Рассказывай, рассказывай. Что это за место такое, Биробиджан?

Подходят еще несколько красноармейцев.

Натан: Выстроили уже много, очень много! Сам Биробиджан здоровенный город. Комсомольск оттуда тоже недалеко. Строится Дальний Восток!

Гришук: А заводы в Биробиджане есть?

Натан: Есть.

Велия: А театр?

Натан: Есть театр. Школы, колхозы, поселки. Но война все оборвала. А кто из вас был в Москве на станции метро «Белорусский вокзал»?

Голоса:

— Я был.

— Был, само собой.

— Станция — красота!

Натан: Видели, как там стены сложены из мрамора?

Голоса:

— Видели!

— Глаз не оторвать!

Натан: Так вот это наш мрамор. У нас есть такое село — Биракан. Оттуда.

Гришук: Этого я не знал.

Натан: Месторождения золота есть. Большие сокровища. Нужно бы только побольше людей туда! Перед войной я приехал в мой родной город. За невестой приехал. Но думал: вернуться только с невестой — этого мало. Должен быть привезти с собой больше сотни новых переселенцев. Они уже были готовы... Вот, у меня еще список сохранился...

Гришук: Как живется там, в Биробиджане?

Натан: Хорошо живется! А какие люди там выросли! Если б вы могли увидеть — трактористы, животноводы.

Гришук: Выучились?

Натан: А то! Медали получили в Москве на выставке. Перспективы у нас богатые! Вот я и собирался туда прибыть с новыми строителями. Но теперь все мои переселенцы уехали на фронт. И я с ними.

Гришук: Это хорошо, что ты и сейчас со своими переселенцами одним делом занимаешься. Одно у нас нынче направление! Одни — за всех!

Велия (выглядывает из двери): Станция! (Выскакивает на ступеньку.)

Котелок! (Хватает котелок, сходит вниз и исчезает.)

Гришук (кричит ему вслед): Газету там прихвати, газету!

В вагоне становится шумно. Все собираются сойти.

Гришук (выглядывает из вагона): Что там? Велия уже назад бежит?

Смотри, как несется на своих длинных ногах! Вроде с газетой? Что он кричит?

Велия (вскакивает со свежей газетой в уезжающий вагон, едва дышит): Сталин говорил по радио!

Все хватают у него из рук газету. Слышно: «Покажи», «Дай сюда». Велия держит газету над головами, чтобы ее у него не вырвали.

Велия: Товарищ политрук, позвольте обратиться. Прочитайте всем!

Красовский берет газету, встает на скамейку. Рядом с ним все остальные — голова к голове. Все переглядываются. В высшей степени напряженный момент.

Красовский читает:

**«Товарищи! Граждане!
Братья и сестры!
Бойцы нашей армии и флота!
К вам обращаюсь я, друзья мои!»**

Занавес

Действие второе
Картина четвертая

В землянке заместителя командира батальона Красовского. В огороженной камере связист у полевого телефона.

Связист (кричит без остановки в трубку): Береза! Береза! Береза!

За столом над разложенной картой стоит старший политрук Красовский. Рядом сидит полковник Ермаков, глубоко погруженный в изучение карты. В течение всей сцены слышится приглушенный отдаленный гром артиллерийских снарядов.

Красовский: Слушаю, товарищ полковник!

Ермаков: Вот что, товарищ старший политрук... (Смотрит на карту.)

Товарищ Красовский... (Погружен в карту.)

Красовский: Вы что-то хотели сказать, товарищ полковник?

Ермаков: Да. Вот что, товарищ старший политрук, сколько времени вы заменяете комбата Евстигнеева?

Красовский: Третий день, товарищ полковник. Я занял его место в бою, когда он получил ранение.

Ермаков: В штабе об этом известно. Вы справились со своей задачей, товарищ Красовский. Когда сегодня к вам ехал, не знал, что комбат Евстигнеев в тяжелом состоянии. Что говорят врачи?

Красовский: Надежда есть, что выживет, но его нужно вывезти в глубокий тыл.

Ермаков: Жаль. Хороший командир. Сегодня он был бы нам нужен. Вам без него в эти дни трудно?

Красовский: Времени не было думать про это, товарищ полковник.

Ермаков: Это хорошо. Мое первое знакомство с подготовкой здесь у вас производит неплохое впечатление. Как у вас дела с боевыми комплектами? Армейский штаб это особо интересуется.

Красовский: Вот, товарищ полковник! (Достает из планшета бумагу, показывает, Ермаков просматривает.)

Связист (Красовскому): Товарищ комбат, «Береза» не отвечает!

Красовский (Ермакову): Товарищ полковник, «Береза» не отвечает!

Ермаков: Настойчивее, настойчивее! «Береза» обязан ответить.

Красовский (связисту): Настойчивей, Макаров, настойчивей, «Береза» обязан ответить.

Связист (в трубку): Береза! Береза!

Ермаков: Ситуация напряженная. Только в вашем округе есть шансы на успех. Вы понимаете? Я вам говорю, что шансы есть.

Красовский: Я понимаю. После того, что сегодня сообщил «язык»...

Ермаков: Ясно, что с нашей стороны они не ожидают. Вы слышите, они все время стреляют по соседнему сектору. Помните, подобная ситуация была две недели назад под Улутово. Я как раз тоже был у вас в части. Ваша часть тогда отличилась, Евстигнеев отличился. Молодцы!

Красовский: В тот раз они крепко заминировали подходы, провели много проволочных заграждений. Наша артиллерия немного оторвалась.

Ермаков: Будет тут работа саперам. Ваше дело, Василий Иванович — как следует подготовиться к выполнению задачи. Нужно разъяснить, что успех операции имеет не только локальное значение.

Красовский: Я сам про это догадался, товарищ полковник.

Ермаков: У вас есть этому доказательства?

Красовский: Одно доказательство, товарищ полковник: раз армейский штаб к нам послал полковника Ермакова...

Ермаков (улыбается): Вы не ошиблись. Теперь вам можно раскрыть секрет: ваша часть — самое острое ножа, который мы воткнем врагу меж ребер. Вот, смотрите (показывает на карту).

Красовский: Тут у него сконцентрированы большие силы...

Ермаков: Да, об этом необходимо постоянно помнить.

Отдаленные взрывы слышатся сильнее и ближе.

Красовский: Слышите, как бушует...

Ермаков: Наглые выродки! Они думали, что появятся со своими танками, а мы перед ними встанем на колени... Этот номер не прошел, а? С инерцией их «побед» в Европе они думали доехать до Урала! Не тут-то было! Это вам Русь-матушка.

Красовский: И при этом уже совсем другая Русь! Вы слышите, это там отвечают наши...

Ермаков: Да, их быстро заставят замолчать. Вот так и надо, совсем другое дело! Мы их тут на большом фронтовом пространстве заставили встать в оборону, окружить себя проволочными заграждениями. И еще надо отметить, что это только начало. Мы их еще погоним назад, и очень быстро. Наша сегодняшняя операция здесь будет иметь важные последствия. Это увеличивает вашу ответственность, товарищ комбат.

Красовский: Вся техническая сторона у меня хорошо продумана, товарищ полковник.

Ермаков: Во всех деталях?

Красовский: Считаю, что во всех, товарищ полковник.

Ермаков: Позже мы еще этим займемся. Командование знает свои задачи?

Красовский: Все командиры рот и взводов подготовлены. На наших людей я полагаюсь абсолютно. Говорю это как командир и политический руководитель.

Ермаков: Это хорошо. Наши люди — это главное. Без них вся техника ни на что не годится. Я думаю сейчас вот о чем... (Поднимается, прохаживается по землянке, прислушивается к стрельбе, которая несколько отдалилась и ослабла.)

Ермаков: Василий Иванович, а вы из каких краев будете? Где родились?

*льёшься с массами, —
с такою
землёю
пойдёшь
на жизнь,
на труд,
на праздник
и на смерть!*

Ермаков: Хорошо сказано! Ого! Вы даже наизусть выучили! Если так, вы и сами наверняка порой пишете стихи, Василий Иванович? Можно?..

Красовский: Нет. Видите ли, я слишком люблю поэзию.

Ермаков: Мало ли глупостей совершают в молодости? Я тоже люблю поэзию, однако наизусть не помню ничего, только врезалась в память концовка «Паспорта». Помните, что он там говорит?

Красовский:

*Я
достаю
из широких штанин
дубликатом
бесценного груза...*

Ермаков: Точно! Это я помню:

*Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза.*

Ермаков: А, каково, Василий Иванович?

Красовский: Хорошо сказано! По-маяковски!

Ермаков: Хорошо! А когда теперь ты видишь, как эти наглые ублюдки, эта набежавшая поганая немчура наступает своими ногами на наше родное, на нашу гордость наступает... Эх! Я никогда не забуду деревню, откуда мы только что выгнали немцев. Сожженные дома, еще дымился пепел. От одного дома осталась только черная печная труба. Береза, обычная русская береза... Под ней был разложен костер, а на одной из ветвей — веревка. Они там наших людей поджаривали на костре!

Черная немецкая веревка на нашей славной русской березе — этого я никогда не забуду!

Красовский: Чувство мести руки жжет!

Ермаков: И нельзя забывать еще одну вещь. На нас в этой войне лежит особая ответственность, Василий Иванович: все народы, и не только на нашей земле, тянутся теперь к русскому народу, как к матери...

Красовский: Это верно.

Ермаков: И правильно делают. Мы, русские, никогда никого не подводили и не подведем.

Связист: Товарища полковника к телефону!

Ермаков: Сейчас. (В трубку.) Гость слушает. Да, да... Гость слушает, я говорю. Хорошо слышу. Да, мы готовимся к свадьбе. Неплохо. В порядке. Закуски будет полно. Да, да... Ждут остальных гостей. Да... Они не опоздают? Хорошо! Пока! Спасибо!

Отходит от трубки к Красовскому.

Ермаков: Из штаба интересуются, как тут идет подготовка. Выслали дополнительную артиллерию. Да, это очень хорошо, но в любом случае нужно будет выделить саперов, чтобы разминировать, а если надо будет, то и перерезать проволочные заграждения. Операция очень важная. Лучших надо выделить. Кто, скажите-ка мне, на прошлой неделе у вас отличился при ночном переходе реки? Мы про это от Евстигнеева рапорт получили. Та операция была проведена храбро и умело. Я забыл фамилию командира взвода.

Красовский: Райзман?

Ермаков: Да-да, Райзман! Вот поэтому я считаю, что именно его и надо отправить.

Красовский: Крепкий командир. Тогда при переходе реки он спас положение. Да, можно.

Ермаков: Я тоже так думаю. Вызовите его.

Красовский (связисту): Младшего лейтенанта Райзмана сюда.

Связист (в трубку): Младшего лейтенанта Райзмана к командиру батальона!

Ермаков садится у карты. Закуривает. Слышится далекий грохот пушек.

Ермаков (Красовскому): Хочу вам похвалиться, Василий Иванович!

Красовский: Чем же, Николай Викентьевич?

Ермаков: Вот... (Извлекает из кармана конверт, а оттуда фотографию.) Моя младшая дочка... Учится в шестом классе. Вот для кого не должны мы жизнь свою жалеть!

Красовский: Славная! На вас похожа! (Отдает фото.) Я-то от своих давно уже ничего не получал. Кто знает, где они теперь...

Райзман (входит): Товарищ полковник! Командир саперного взвода старший лейтенант Райзман по вашему приказанию прибыл!

Ермаков (встает): Здравствуйте!

Райзман: Здравствуйте, товарищ полковник!

Ермаков (присматривается к Райзману): Так вот вы какой, смелый, молодец! В штабе армии уже знают о Вашей операции по ночному переходу реки на прошлой неделе. Операция высоко оценена.

Райзман (встает по стойке смирно): Служу Советскому Союзу!

Ермаков: Сегодня мы хотим оказать вам доверие.

Райзман: Я готов, товарищ полковник.

Ермаков: Предстоит важное задание. Сегодня ночью с лучшими людьми, тихо, чтоб комар не пискнул, выбраться к переднему краю врага, разминировать, надо будет также перерезать проволочное ограждение. Поняли?

Райзман: Понял, товарищ полковник.

Ермаков: Это очень важное задание. Выполнить надо с блеском.

Райзман: Иначе, чем с блеском, мы свои задачи никогда еще не выполняли, товарищ полковник.

Ермаков: Кто это — мы?

Райзман: Я и мой взвод.

Ермаков: Это хорошо. (Красовскому) Младший лейтенант, похоже, любить похвастаться?

Красовский: Нет, это не в его натуре, товарищ полковник.

Райзман: Разрешите ответить: в нашей профессии выполнять задания не блестяще означает провалить и погибнуть. Как видите, я жив, товарищ полковник.

Ермаков (смеется): Вот это хорошо! Желаю успеха! Выступить в ноль часов ноль минут.

Райзман: Разрешите выполнить?

Ермаков: Выполняйте!

Райзман: Есть! (Поворачивается и собирается уйти.)

Ермаков: Младший лейтенант!

Райзман: Слушаю, товарищ полковник.

Ермаков: Вы сами-то откуда?

Райзман: Издалека, товарищ полковник.

Красовский: Он из Биробиджана. Мы с ним вместе на фронт отправились.

Ермаков: Биробиджан? Слышал. Там ведь еврейская область? Да, не близко.

Райзман: Но, как видите, не настолько далеко, товарищ полковник.

Ермаков: Вы правы, младший лейтенант! Страна наша огромная, но нет такого места, которое было бы далеко от вот этой линии фронта.

(Раздается сильный грохот пушек.) Вам сегодня предстоит важная работа. Будет нелегко...

Райзман: Город, откуда приехал, я не посрамлю, товарищ полковник!

Ермаков: Желаю успеха!

Пожимает Райзману руку. Садится у карты. Красовский провожает Райзмана из землянки. Они стоят снаружи. Вдалеке виднеются проволочные заграждения. Небо вспыхивает от далекой стрельбы.

Красовский: Младший лейтенант!

Райзман: Слушаю, товарищ комбат.

Красовский: Неофициальный вопрос: что-нибудь от нее уже получали?

Райзман: Все еще нет, товарищ Красовский.

Красовский: Ничего?

Райзман: Ничего, Василий Иванович.

Красовский: Ну, не волнуйтесь! Она отыщется!

Райзман: Надеюсь, товарищ комбат!

Красовский: Скажи, ты ведь думаешь о ней? Вроде ее зовут Ася, да? Красивое имя. Ты когда о ней думаешь, это помогает или мешает исполнению заданий?

Райзман: Помогает, товарищ комбат!

Красовский: Даю разрешение: думай о ней! Успеха!

Райзман: Благодарю, Василий Иванович... (Уходит.)

Красовский (возвращается к Ермакову в землянку): На этого младшего лейтенанта и его взвод можно положиться. Я давно уже его знаю, еще с первых дней войны. Мы с ним все время были вместе.

Ермаков: Этот младший лейтенант мне нравится.

Красовский: Он гордость нашей части. Мы про него специальный плакат выпустили. Вот! (Показывает плакат.)

Ермаков (рассматривает плакат): Это хорошо. Таких воинов надо популяризировать. Про таких надо знать. (Встает, прохаживается по землянке.) Знаете, о чем я сейчас вспомнил, глядя на него? О противотанковой яме с целым местечком убитых евреев. Мы на него наткнулись месяц назад. Настоящее народоубийство.

Красовский: Да, другого слова не подобрать. Мне тоже довелось подобное видеть...

Ермаков: Глядя на этого младшего лейтенанта, который прибыл сюда из Биробиджана, мне подумалось: яма с убитыми евреями — вот ведь какова его, Гитлера, работа. А этот командир саперного взвода, место, откуда он прибыл, — наше советское достижение! Мы сильнее, Василий Иванович!

Вслушивается в грохот артиллерии, что нарастает над землянкой.

Ермаков: Идемте! (Уходят.)

Ночь. Темнота. Тишина. Вздрагивает мерцающий свет далекой ракеты. Видны силуэты ползущих бойцов. Свет пропадает. Доносится шепот и шорох: — Гришук!

Один из силуэтов: Здесь, товарищ комвзвод...

Райзман: Держись справа.

Гришук (ползет): Есть!

Райзман: Велия!

Велия: Я слева.

Райзман: Держись ближе.

Велия: Не будь моё имя Шалва Велия...

Райзман: Тише.

Ползут напряженно. Вот уже первый ряд заграждений. Вспыхивает ракета, обливает всё мертвым светом. Ползущие припадают к земле.

Гришук: Нас обнаружили?

Райзман: Случайно...

Слышится грохот пушек. Вдали взрывается снаряд.

Гришук (отряхивается с себя землю): Все-таки обнаружили!

Райзман: Нет, это они от страха во все стороны стреляют. Если бы они знали, что мы здесь, они бы не так... Приступайте!

Разрезают заграждения из колючей проволоки в нескольких местах.

Гришук: Накрутили, чёрт бы их сожрал, гады!

Райзман: Живее, живее! Время не терпит.

Снова взрыв снаряда. Один из бойцов вылезает из ограждения, хватается за правую руку.

Боец: Сволочи!

Райзман (ползет к нему): Чумаченко, тише, тише... Старайся не шуметь. Отползай в сторону.

Режут проволочные заграждения в глубине.

Райзман: Еще один ряд и всё. Живее! Нажмем!

Гришук: Дорожка для пехоты-матушки! Эх...

Райзман: Отползайте, быстрее! Уже мелочь осталась. Молодцы!

Ложится на место Чумаченко, вокруг начинают свистеть пули.

Райзман: Обнаружили? Теперь нет разницы. Дорога...

Рука с ножницами бессильно падает. Страшная слабость.

Гришук (подползает): Комвзвод? Райзман? (Наклоняется над ним.) Куда?

Взваливает его себе на спину. Вокруг свистят пули. Бойцы, сделавшие проход в заграждении, отползают назад. Переместившись достаточно далеко, Гришук некоторое время лежит. Стаскивает с себя Райзмана и наклоняется, чтобы его перевязать.

Райзман: Не надо... Передайте полковнику Ермакову: путь открыт. Задание... выполнено... (Падает на руки Гришука.)

Гришук: Товарищи! Наш комвзвод...

Взваливает его себе на спину, ползет. Вспыхивает мерцающий свет далекой ракеты.

Занавес

Картина пятая

Палата в больнице. У окна стоит высокий человек в халате, опираясь на костыль. Появляется Поля, молодая медсестра. Человек с костылем поворачивается.

Гришук (Поле): Поленька, а, Поленька...

Поля: Что такое?

Гришук: Снаружи уже мороз? А?

Поля: Да, Гришук, нос уже прилично морозит.

Гришук: Вот скоро прихватит фрицев, и останутся они без носов. Как ты считаешь?

Поля: Уж да, прихватит!

Гришук: Поленька, а, Поленька...

Поля: Ну что?

Гришук: Выпусти меня наружу. Никто не увидит...

Поля: Это — нет!

Гришук: Свежего воздуха хочется вдохнуть!

Поля: Еще нельзя.

Гришук: Видишь, я совсем уже здоров. (Показывает ей на свою голову.) Бинт уже сняли, еще вчера.

Поля: Я знаю, но врач не велит.

Гришук: Какой врач?

Поля: Ася Израилевна.

Гришук: Ася Израилевна? Она хорошая, ничего не скажет.

Поля: Если она хорошая, то сам у нее и попроси.

Гришук: Если бы я хотел у нее попросить, то не просил бы тебя.

Поля: Когда она вас навещает, то выглядит веселой, обо всех заботится... А на самом деле никто не знает, что она, Ася Израилевна, переживает.

Гришук подходит к своей койке, берет баян и дальнейшую беседу ведет, наигрывая тихую украинскую мелодию.

Гришук: А ты знаешь?

Поля: Я? Да.

Гришук (играет): Откуда?

Поля: Знаю...

Гришук: Расскажи мне.

Поля: А ты никому не выдашь?

Гришук: Зачем мне?

Поля: Ну ладно, тебе я расскажу. Ты должен знать, как с ней себя вести.

Гришук: Ну?

Поля: У нее есть жених...

Гришук (потрясен, перестает играть): Жених?

Поля: Ну да, что ты удивляешься? Они задолго до войны встречались, собирались уже расписаться. А тут началась война... Все перевернулось. Он на фронте, а она тут, в больнице. Я вместе с ней сюда приехала, поэтому все знаю.

Гришук: Ты с ней из одного города?

Поля: Да.

Гришук: А он?

Поля: Про него она ничего не знала. Они долгое время ничего друг о друге не знали. А потом она случайно узнала, где он, но давно уже не получала писем.

Гришук (сильно задумавшись): Вот оно как, значит, жених... (С задумчивым видом начинает играть.)

Поля: Вон она идет.

Гришук (испугался и убрал баян): Доброе утро, Ася Израилевна!

Ася (видимо, куда-то спешила, но остановилась): Доброе утро, Гришук! Мы сегодня уже виделись. Что-то забыл?

Гришук: Ах, да... (С грустью.) Ася Израилевна, я забываю, что со мною было полчаса назад.

Ася: Когда выздоровеешь, все пройдет. Ты еще не совсем здоров. Ты что тут, играешь?

Гришук: Да так, немного.

Ася: Чем больше ты будешь сейчас спокойно лежать в постели, тем лучше будет. А играть надо поменьше.

Гришук: Вот только что, у окошка, я вдруг многое вспомнил, Ася Израилевна.

Ася: Что?

Гришук: Вижу — морозец. Первый... Уже прохладно снаружи, Ася Израилевна?

Ася: Прохладно.

Гришук: И свежо?

Ася: Ну да, свежо. Но я и сама очень мало бываю снаружи.

Гришук: Вы? Вы ведь имеете право сколько угодно гулять?

Ася: Право имею, но не могу. Некогда, Гришук. Работы много!

Гришук: Глянул я, как на улице бело, и мне вдруг сразу мой дом вспомнился... Украина (играет). Подолье... Деревня рядом с местечком... (Пауза.) Вы можете меня выпустить на минутку наружу? Всего на одну минутку? Мороза глотнуть...

Ася: Нет. Ну, хватит!

Осторожно забирает у него баян, уходит. Бледная, очень усталая. Видно, что она крепится, но ей это трудно дается. Когда она уже дошла до конца коридора, Гришук медленно пытается достать баян, но ему это не удается. Он протягивает дрожащую руку мимо костыля, и костыль падает.

Ася (вздрыгнула на пороге и остановилась): Это что такое?

Гришук (злой от неожиданности): Да что вам, в конце концов, не все ли равно? Надоели вы мне!

Ася: Что? (Медленно приближается к нему.) Что ты сказал? Все равно? (Укладывает его обратно в постель.) Все равно? Я два месяца днем и ночью тут рядом с тобой сидела... Опасность миновала, ты стал на ноги вставать. А теперь хочешь меня изничтожить? (Садится на край постели.) Глупый ты... Ты мне слишком дорог, я ради тебя это делаю...

Гришук (берет ее за руку): Извините, Ася Израилевна! Я в самом деле еще болен. Всё забываю...

Ася: Ну вот...

Встает и уходит. По дороге наталкивается на Фальковского, который идет ей навстречу.

Ася: Товарищ подполковник!

Фальковский: Я очень вас прошу, зовите меня просто по имени-отчеству: Матвей Леонович.

Ася: Но прошло всего несколько дней, как вы пришли инспектировать нашу больницу и мы познакомились. И вы старше меня по званию. Впрочем...

Фальковский: Впрочем, вы хотите сказать, вам кажется, что мы уже давно знакомы...

Ася: Да. В нынешних условиях это совсем не удивительно. Узнаем человека за час лучше, чем в мирные времена за годы...

Фальковский: Со мной до войны такое тоже случалось, Ася Израилевна. Так уж мне везет с людьми — быстро со мной сближаются. Так вот, Ася Израилевна, мне хочется, чтобы вы меня называли просто по имени-отчеству, без официальности.

Ася: Согласна, Матвей Леонович. Так мне даже легче.

Фальковский: Пусть так будет между нами, я ведь гражданский врач. Всё еще не могу привыкнуть к моему военному чину, а вы меня хотите звать «товарищ подполковник».

Ася: Договорились, Матвей Леонович!

Фалькович: Если так, то скажите, почему вы такая бледная, Ася Израилевна? Что с вами?

Ася: Просто третьи сутки на ногах...

Фалькович: Идете отдохнуть?

Ася: Лишь на короткое время. У меня тут тяжелораненый. Позавчера его привезли. Он немного забылся, спит. Я тоже пойду прилягу. Молодой, красивый... как он борется со смертью!

Фальковский: Если борется, то победит! Это тот, который лежит в четвертой палате на втором этаже?

Ася: Да-да! А вы откуда знаете?

Фальковский: Я в курсе всех событий в вашей больнице. Я же к вам пришел как инспектор. Это мой долг.

Ася: Я уж вижу... Его привезли в очень тяжелом состоянии. Ему требовалось срочное переливание крови.

Фалькович: И вы ему дали свою кровь?

Ася: Вы и про это уже знаете? Да...

Фалькович: И ему стало лучше?

Ася: Да.

Фальковский: Скажите, а как себя чувствует ваш пациент — раненый Гришук?

Ася: Почему вдруг мой?

Фальковский: Он целиком и полностью ваш. Это нам известно. Как он себя чувствует?

Ася: О, уже лучше! Но все еще жалуется на память.

Фальковский: Тяжелый шок, тяжелый был шок. Но это пройдет. Если он в ваших руках, то пройдет. Но вы сами плохо себя чувствуете.

Отдохните, Ася Израилевна.

Ася: Я себя чувствую совсем не плохо.

Фальковский: Столько крови отдать — непростое дело...

Расходятся в противоположные стороны.

Гришук садится на кровать, достает баян, тихо играет украинскую мелодию.

Входит Поля.

Гришук: Поленька, а, Поленька!

Поля: Ну что?

Гришук: Хотел тебя кое о чем попросить.

Поля: Опять — наружу?

Гришук: Нет. Другое. В канцелярии лежат мои документы. Это я хорошо помню.

Поля: Ты что, совсем выписаться хочешь?

Гришук: Нет, ничего я не хочу. Но я тут нехорошо поступил с нашим доктором, Асей Израилевной... Обидел ее. Хочу ее чем-то отблагодарить. И вообще, понимаешь, хочу ее поблагодарить за всё... за всё... за ее труд, за ее бессонные ночи. Чем я могу ее отблагодарить? А, Поля?

Поля: Лежи спокойно, тогда она будет рада.

Гришук: Этого мало. Очень мало. Да, так о чем я хотел тебя попросить?

Поля: Что-то насчет документов?

Гришук: Да! Среди моих документов должен лежать листок бумаги, это я помню. Карандашом исписанный. Листок этот немного прострелило, но слова остались целы.

Поля: Ну?

Гришук: Будь добра, принеси его сюда. Скажи, что я попросил.

Поля: Зачем он тебе?

Гришук: Потом... Иди!

Поля: Сейчас! (Уходит.)

Гришук (один): Слова я уже почти не помню, а вот напев... Откуда-то очень издалека он был. Далеко-далеко...

Поля входит, передает ему бумажку. Он подносит ее к глазам. Листок пожелтел, с одной стороны прострелен пулей. Коричневатое пятно. Вдруг он обнимает Полю одной рукой.

Гришук: Я ей песню спою!

Поля: У нее сейчас голова занята.

Гришук: Говоришь, у нее жених есть?

Поля: Да.

Гришук начинает играть мелодию. Поля слушает.

Ася (быстро заходит, кого-то ищет): Вот ты где, Поля! А я тебя ищу. Ты что здесь делаешь?

Поля (не знает, что и сказать): Гришук меня попросил послушать, как он играет... Говорит, что очень долго играть не мог.

Ася (Гришуку): Это ты мне так пообещал спокойно лежать?

Гришук: Я очень спокоен, Ася Израилевна!

Ася (Поле): Иди, ты нужна в третьей палате.

Поля уходит.

Ася (Гришуку): Как себя чувствуешь?

Гришук: Ася... Израилевна...

Ася: Ну что?

Гришук: Был у меня товарищ, у которого невесту тоже звали Ася.

Только что, впервые после моей болезни, о нем вспомнил. Это был мой очень хороший товарищ...

Ася: Где он?

Гришук: Он был тяжело ранен во время одной боевой операции. Мы там с ним вместе были. Я его вытащил с поля боя, донес до медсанбата. Очень тяжело был ранен. Наверное, скончался. Сразу после этого я ушел в бой, через какое-то время меня тоже ранило. (Играет.) Я очень любил рассказывать ему про мой дом — украинскую деревню в Подолье. Деревня наша была вся во фруктовых садах, а вокруг березнячки. Как у нашего Шевченко:

**Садок вишневий коло хати,
Хрущі над вишнями гудуть,
Плугатарі з плугами йдуть.**

Нас было шестеро братьев в семье. Кто знает, что с ними теперь...

Ася: Он тебе про себя тоже рассказывал?

Гришук: Кто?

Ася: Товарищ твой?

Гришук: Мой товарищ? Да! (растягивает баян, поет):

*Силхн эйсэ итрайтн
Аф йедн штэг ун вэг...*

Ася (в сильном изумлении): Гришук!..

Гришук:

*Ин ди вайтэ вайтн
Трогт эс мих авэк.*

Ася слушает с открытым ртом.

Гришук (поет):

*Ойх фун дир, майн либе,
Бин их видэр вайт.
Штиле тэг форибер,
Штурэм зей фарбайт.*

*Штурэм, блут ун илахтн
Аф лэбм ун аф тойт,
Биз дэм тог гегартн,
Вэн зиг вэт уфгейн ройт.*

Ася (резко встает): Это от твоего товарища?

Гришук: Да. (Поет.)

*Куриц згевэн ди трэфунг,
Ди цешейдунг — инэл.
Вэр кэн ицтэр трэфн,
Кумэн вэн их вэл...*

Ася (со слезами на глазах резко поворачивается к Гришуку): Скажи, откуда он это взял?

Гришук: Вам нравится?

Ася (берет его за руку): Гришук, милый мой, дай мне это переписать, дай! Откуда он, товарищ твой?

Гришук: Мы с ним в эшелоне встретились, когда ехали на фронт.

Ася: А ехал он откуда?

Гришук: Из Биробиджана.

Ася: Биробиджан?..

Гришук: Это он мне рассказал, когда я его привел в санбат. (Протягивает ей бумажку с песней.) Это его...

Ася берет бумажку, рассматривает. Фальковский входит и застывает у порога.

Ася:

*Силхн эйсэ штрайтн
Аф йедн штэг ун вэг,
Ин ди вайтэ вайтн
Трогт эс мих авэк.*

Занавес

Картина шестая

Фасад больницы – длинный ряд деревьев. Скамейка. Светит солнце. Появляются Фальковский с Асей.

Фальковский: Теперь мне все ясно, Ася Израилевна... Всё... Вы хорошо сделали, что мне рассказали. Вам станет легче. Я не мог отсюда уехать и вас теперь оставить.

Ася: Я вам мало рассказала, Матвей Леонович. Но теперь мне все равно...

Фальковский: Не говорите так, Ася Израилевна. Рано еще отчаиваться. Про своих родных я тоже ничего не знаю.

Ася: Матвей Леонович, не надо меня утешать!

Фальковский: Вы мне как дочь.

Подходят к скамейке, садятся рядом друг с другом.

Ася: Это было для меня больше, чем просто любовь. Любовь, Матвей Леонович, как бы велика ни была, это только часть, пусть и большая, но лишь часть жизни. А он для меня и был всей жизнью!

Фальковский: Ася Израилевна, вы не первая...

Ася: Я больше кого-либо другого имею право это сказать. Любовь никогда не наполняла всю мою жизнь.

Фальковский: Понимаю...

Ася: А он наполнял всю мою жизнь! С его импульсом, пылом, с его мечтами. Это были и мои мечты. В этих мечтах мы никогда себя не видели вдвоем, отдельно... Всегда — в центре кипящей, восходящей жизни!

Фальковский: Вы давно его знали?

Ася: Мы из одного города. Вместе росли, в одну школу ходили. Потом он уехал...

Фальковский: Первое чувство, и такое долгое...

Ася: Нас не настолько связывал тот город, где мы вместе росли. Больше другой, где мы вместе не были. Я как раз туда собиралась...

Фальковский: Это куда?

Ася: В Биробиджан...

Фальковский: Биробиджан...

Ася: Он был готов всем пожертвовать ради Биробиджана, даже своей любовью... Несколько лет перед нашей последней встречей мы не виделись. Вот именно это меня в нем особенно привлекает. Я была влюблена в его страсть к Дальнему Востоку, к Биробиджану. Это же подвиг, счастье и будущее... Будущее! В этом он был весь целиком.

Фальковский: Я не хочу вас утешать, Ася Израилевна... но позвольте вам сказать...

Гудит сирена машины, которая ждет Фальковского.

Ася: Слушаю, Матвей Леонович.

Фальковский: Такие люди, как тот, про кого вы тут говорите, просто так не пропадают.

Ася: Вы так считаете?

Фальковский: И я хочу, чтобы эти мои слова были последними, которые я вам сейчас скажу перед тем, как ехать дальше, до нашей следующей встречи. (Встает.) Будьте здоровы! Крепитесь! Я дам о себе знать. (Протягивает ей руку и уходит.)

Ася: Хотела бы я вам поверить, но...

Смотрит ему некоторое время вслед, опирается о заснеженную скамейку, поет:

*Ойх фун дир, майн либе,
Бин их видэр вайт.
Штиле тэг форибер,
Штурэм зей фарбайт.*

Занавес

Акт третий
Картина седьмая

Военный дом отдыха для выздоравливающих. Чисто убранная комната. Цветы. Рояль. Высокие стулья. К одному стулу приставлен костыль. Сидит Шалва Велия в погонах старшего лейтенанта, держит недописанное письмо, поет:

*Кумэн вэл их кумэн,
Дос, майн либе, вэйс,
Видэр вэсту блумэн
Цутрогн мир эйс.*

*Свэт дэр имл видэр
Шайнэн зуник-эл,
Либе, фрэйд ун фридн
Зайн вэт аф дэр вэлт.*

Продолжает писать, громко повторяя вслух:

«Не будь моё имя Шалва Велия, если вскоре после окончания войны — а теперь, после Сталинграда, уж когда-нибудь она закончится — я не вернусь домой в аул...»⁸

Поет:

*Дан фар ундз инцвэйен
Ткумэн ойх ди фрэйд,*

---

⁸ Аул — небольшое поселение или стойбище у тюркских народов, изначально кочевой стан. Миллер по ошибке ассоциирует это понятие с грузинами. — *Прим. пер.*

*Лэцтн вэй цевэйен,
Мэр нит зайт цешейт.*

Говорит с восторгом:

— Вот это песня! Еще в начале войны написана, а все еще жива.
Дорогой наш парень! Сколько раз сам он едва-едва не ушел, но нет — жив! И я с ним заодно! И песня с нами!

Заклеивает письмо, поет:

*Зол ин глик фун вэлт дан
Зайн ундзэр гоб гебрахт.
Из форойс, ви эдн,
Ин герэхтн шлахт!*

В дверь стучат.

Велия: Войдите!

Входят двое военных: старший — гвардии лейтенант, высокий, с усами, Велвл Звольник; второй — маленького роста, крепкого сложения старшина Пиня Кудрик.

Звольник (на пороге): Извините, позвольте обратиться... не находится ли здесь...

Велия: Кто вам нужен?

Звольник: Не здесь ли капитан Райзман? Нам сказали...

Велия: Капитан Райзман? А зачем он вам понадобился?

Звольник: Нам необходимо его видеть. Мы... из Биробиджана.

Велия: Из Биробиджана? Сейчас!

Берет костыль, бежит к двери, открывает ее, кричит:

— Натан, Натан, сюда иди!

Натан появляется на пороге в форме капитана с орденами, левая рука перебинтована до шеи марлей.

Звольтник (пораженный, бросается к Натану): Натан! Ты? Вот это дела! (Кудрику) Нас таки не обманули. Не зря мы сюда столько ехали. Это наш биробиджанец! Натан! Меня хоть узнаешь? А? (Обнимает Натана.)

Натан (отходит на шаг, тоже пораженный): Велвл? Иди сюда, иди сюда! Дай погляжу на тебя. Ты откуда свалился? Еще спрашиваешь, узнаю ли я тебя! Да хоть бы с меня кожу содрали, разве б я тебя не узнал? Шутишь! (К Веля) Познакомься: наш биробиджанец, директор фабрики, где я когда-то работал.

Звольтник (весело): Бывший директор!

Натан: Ну да, бывший. Все мы тут бывшие. Директора, техники, врачи, учителя, колхозники... А теперь все солдаты сталинской армии... (Смотрит на Кудрика.) А это кто?

Кудрик (выходит вперед, весело тараща глаза): Гвардии старшина Кудрик, товарищ капитан! Вы меня не узнаете?

Натан: Тоже нашенский, биробиджанский? Что-то знакомое...

Кудрик: Бывший тракторист амурзетской МТС. Помните, товарищ капитан, однажды вы пришли к нам во время жатвы в МТС, мы были под шефством вашей фабрики?

Натан (пожимает Кудрику руку): Да-да, припоминаю, припоминаю...

Кудрик: Правда, потом мы редко виделись. От Биробиджана до Амурзета все-таки не так близко.

Натан (радостно): Что мы там редко виделись, это неважно. Важно то, что я сейчас вас тут вижу! А от Амурзета до Сталинграда поближе будет?

Кудрик (смеется): Так точно, товарищ капитан, поближе! Верно подметили.

Натан: Биробиджанцы мои дорогие, чтоб вас черт побрал! Садитесь же, рассказывайте! У вас же для меня наверняка горы новостей! (К Веля) Веля, сходи, принеси нам закуску. (Гостям) рассказывайте! (Звольтнику, глядя изучающе на него.) А я-то думал, что ты все еще орудуешь там, у нас на фабрике...

Звольтник: Да ну, что ты говоришь. Мы, биробиджанцы, тоже ведь люди матёрые.

Натан: Когда приехали оттуда?

Звольтник: Скоро будет уже год.

Натан: Ну, для меня-то вы свежие, как только что из печки. Я же еще до войны поехал и больше там не был.

Звольник: Меня долго не отпускали.

Натан: Но ты сумел!

Звольник: А как же! Ты видел когда-нибудь, чтобы наш брат биробиджанец не уперся бы и не добился своего? На то мы и биробиджанцы! А помнишь, как мы уперлись, что нам нужна фабрика? Кочка и водичка для нас не препятствие, древесину я возил черт знает откуда только можно... и встала фабрика! Что скажешь, Натан, неплохую фабрику мы тебе поставили?

Натан: Кто ж поспорит? Ну, рассказывай, как выглядит Биробиджан в военные времена? Живой привет передавай! (Кричит.) Велия! Ты там что, пропал с закуской?

Велия (появляется на пороге): Мы тут кое-что готовим, минуточку. (Исчезает.)

Звольник: Первое время я сам служил в Биробиджане, на сопке в резервной части. Потом нас перевели в Сибирь на переподготовку. Мы там с трудом держались, рвались на фронт. А на фронтах все горело адским пламенем. Но ставка лучше знала, что надо было делать. Если будете нужны, ребятки, вас позовут. Ну и позвали как раз на свадьбу, которую мы неплохо тут сыграли Гитлеру, под Сталинградом.

Натан: Ты был в боях под Сталинградом?

Звольник: А как же! Свадьбу устроили отличную! Поставили ему такую хупу, с крепкими кольшками по всем четырем сторонам, да и сверху как следует накрыли! И колечко ему надели подходящее. Прибыли сюда аж из Биробиджана, чтобы подвести его под эту хупу. А ты, наверное, тоже там был?

Натан: Как же, как раз после Сталинграда сюда и попал. Третий раз уже ранен на войне. Под хупу подвели, говоришь? Красиво сказано. Интересно, со стороны жениха или невесты?

Звольник: Гитлера уже пригласили на огонёк... будет ему и жених, и невеста со славными гостями.

Натан: От кого из биробиджанцев можешь передать привет?

Звольник: От биробиджанцев? А ну-ка догадайся, голова! От мамы тебе привет!

Натан: От мамы?

Звольник: И не только привет — подарок!

Натан (в восторге): Подарок?

Звольник: Ну да, уже год, как ношу его с собой.

Ненадолго выбегает, возвращается с небольшим пакетом. Натан дрожащей рукой быстро раскрывает пакетик.

Натан: Она надеялась, что ты меня встретишь?

Звольник: Я у нее то же самое и спросил: «Товарищ Райзман, — говорю, — а откуда вы знаете, что я сына вашего встречу?» А она мне отвечает: «А ты откуда знаешь, что нет? Всё бывает». Сердце ей, наверно, подсказало. Не зря, видать, говорят: «Сердце матери — пророк». И еще она сказала: «Ну а если не встретишь моего сына, оставь на здоровье себе или другому солдату отдай. Вы мне все, милые, как родные сыновья. Все, кто там воюет». Так и сказала.

Натан вынимает пару теплых перчаток, пару носков, мешочек для махорки и подносит к лицу.

Натан: Мама! (Пауза.) Как она сказала? «Вы мне все, милые, как родные сыновья. Все, кто там воюет?»

Велия входит, неся на одной руке большой поднос с вином и закуской, раздает бокалы.

Звольник: Выпьем за Сталина! (Выпивают и наливают еще.)

Велия: За нашу дружбу!

Натан: И за мою маму! (Выпивают, закусывают.)

Натан: Расскажи-ка, кто из биробиджанцев на фронте, кто отличился?

Кудрик: Биробиджан воюет, товарищ капитан!

Звольник: И неплохо! Мишу Миндлина помнишь, секретаря горкома?

Натан (горячо): Как же Мишку мне не помнить? Помню его еще трактористом в Бирофельде.

Звольник: Майор, два ордена получил. Ну а Леонида Фастовского тоже помнишь?

Натан: Из обкома комсомола?

Зво́льник: Погиб. Отличились еще Шлёма Вольфсон, Лейзер Гольдман... Золотые ребята.

Натан: Герои! Герои, настоящие биробиджанцы! Кто еще из наших на фронте?

Зво́льник: Многие, Натан, многие.

Натан: А как работа в Биробиджане?

Зво́льник: Не спрашивай! Дым стоит коромыслом. Но жизнь, конечно, стала тяжелее. Многого не хватает. Но кто на это смотрит? В колхозах, на заводах, днем и ночью работают, отдыха не знают. Сколько миллионов Биробиджан вложил в оборону? Колхозники в Валдгейме получили телеграмму с благодарностью от товарища Сталина. Товарищ Сталин просто так не благодарит!

Натан (шагает по комнате): Это хорошо, хорошо, Зво́льник, порадовал ты мне сердце! Значит, Биробиджан вносит свой вклад в победу, да?

Кудрик: Так точно, товарищ капитан!

Натан: Нечего нам стыдиться за наш дом, товарищи! (Обнимает Зво́льника и Кудрика.) И Биробиджану за нас не должно быть стыдно! Каждый из нас должен воевать так, чтобы люди спрашивали: «Кто этот герой? Откуда он?» А им ответят: «Он — из Биробиджана».

Кудрик: Точно, товарищ капитан! У меня уже раз так было.

Натан: Только раз? Чтобы было много раз!

Зво́льник: Ну а Михла Долгова ты же помнишь?

Натан: Да, он еще до войны вышел на пенсию.

Зво́льник: А теперь работает, учит молодежь. Все четверо его сыновей на фронте. Он говорит, что тоже не хочет отставать.

Натан: Одного из них, Вольфа Долгова, я неожиданно, как сейчас тебя, повстречал на донской переправе.

Зво́льник: Он, должно быть, героический парень. Помню его еще по работе в Биробиджане.

Натан: Герой! Знаешь, что он сказал? «Нельзя немца к Волге допускать, чтобы он до Биры не добрался». (К Велия) Бира — это река такая у нас в Биробиджане, не передать какая!

Зво́льник: А теперь он где?

Натан: Эти слова он мне сказал, когда его тут, на фронте, взяли в партию. Воюет!

Велия: Ваша Бира, моя Кура — все реки нынче защищает Волга-матушка...

Натан: Сталинград! Весь мир это запомнит! Как говорят евреи, если кто-то решил что-то построить, а план провалился? Скажи, Велвл?

Звольник: Говорят — рекой утек.

Натан: Вот-вот! Так и у немцев с Волгой. Всё потекло рекой! Недалек уже день, когда мы на станции Берлин возьмем билет до станции Биробиджан. Что скажешь, Велия?

Велия: Нет, я сначала в мой аул. Всех туда приглашаю.

Кудрик: А где находится твой аул?

Велия и Кудрик начинают беседовать между собой.

Звольник (Натану): Так-так, Натан! А ты помнишь, что я тебе сказал, когда ты поехал в 1941 году в отпуск? «Без невесты не возвращайся!»

Натан: Ага... И я еще тебе пообещал привезти целый эшелон биробиджанцев, помнишь? И, чтоб ты знал, я его тогда уже почти собрал. И какие золотые были там люди! Была там одна семья — Чакенберги. Пятеро братьев, не люди — настоящие львы! Но наш наказ: «Без победы не возвращайся»...

Звольник: Ну так, значит, должен Натан к нам вернуться и с невестой, и с победой, и с переселенцами!

Натан: Будет победа, все будет.

Звольник: А где невеста?

Натан: В госпитале. Врач. Долго ничего о ней не знал, а она обо мне. Обоим нам много раз в жизни тяжело приходилось, но смерть нас, видать, обходит с почетом и уважением. Но вот теперь я опять давно уже не знаю, где она...

Звольник: Ну, нам пора, Натан!

Натан: Так быстро?

Звольник: Мы к тебе завернули на полчаса. У себя в части случайно узнали, что ты тут. Машина едет в часть.

Натан (протягивает руку): Ну, иди, Велвл! Порадовал ты меня сердечно. Будто сам Биробиджан с моей мамой ко мне явился. Велвл собирается уходить. Натан его останавливает.

Натан: Велвл, если вдруг...

Крепко с ним обнимается, потом с Кудриком.

Натан (кричит им вслед, в сторону двери): Если будешь писать, передавай от меня привет Биробиджану!

Звольник: И ты тоже! Маме напиши, что просьбу ее я исполнил.

Натан: Напишу! Уже сегодня ей напишу!

Звольник с Кудриком уходят.

Натан (К Велю): Мы вместе с ним, с директором, фабрику построили. На кочках, представляешь? Когда мы туда прибыли, там почти ничего, кроме болот, и не было. А теперь, Велю, глянь — стоит город. Я по нему тоскую, Велю, ты себе даже не представляешь.

Велю: Да я понимаю. Я тоже тоскую по дому.

Натан: Нет, Велю, когда ты сам построил дом, своими руками, это не просто дом... Но, Велю (меняет тон), что же получается? Сколько тебе еще гулять с этой барышней? (Показывает на костыль.)

Велю: А ты? (Показывает на перебинтованную руку Натана.) Не надо было проситься до срока из больницы.

Натан: А что бы тогда было?

Велю: Мы уже давно были бы на фронте. Это они, врачи, нагло нам делают. (Оглядывается по сторонам и тихо добавляет.) Ты знаешь, я могу уже свободно ходить, без вот этого? Уже пробовал, хочешь посмотреть?

Натан: А ну-ка!

Велю отставляет костыль, пытается сделать несколько шагов — сначала неуверенно, потом уверенней.

Велю: Видишь, Натан!

Вдруг разнимает руки в стороны и делает несколько па лезгинки.

— Не будь мое имя Шалва Велю, если...

Вдруг кажется, что кто-то стучится в дверь. Велю в испуге хватается за костыль. Прислушиваются.

Велю (вслушивается): А нам обещали, что в доме отдыха мы будем как вольные птицы...

Натан: Если врач увидит тебя без костыля, заставит тут еще месяц сидеть. Представляешь? Я уехал, а ты остался. Вот тогда ты не будешь больше Шалва Велю.

Велия: А ты не смейся, надоел он мне уже, этот доктор, со своей философией. (Кривляется.) «Состояние, когда вы впервые чувствуете себя вполне здоровым, опаснее того момента, когда вы чувствуете себя больным».

Натан: Знаешь, Велия, я уже тоже могу. Все пальцы уже шевелятся, как живые. Хочешь, покажу?

Велия (оглядывается): Ну-ка?

Натан (освобождает от бинта бледную трясущуюся руку): Видишь?

Велия (с жаром): Натан! (Хочет ему пожать руку.)

Явный стук в дверь.

Натан с Велия (испуганно): Сейчас!

Фальковский (за дверью): Герои, впустите меня!

Натан и Велия осматриваются. Натан поднимает бинт, неловко обвязывает левую руку. Велия хватается костыль и бежит к двери.

Фальковский (на пороге): Привет, герои! Как жизнь? (Видит, что у Натана сбилась перевязка.) Что это?

Велия: Это...

Натан: Мы... (Быстро поправляет бинт.)

Фальковский (меняет тон): Ну, хорошо, не надо. (Снимает у Натана бинт.)

Велия: Может, и мне уже можно?

Фальковский: Тебе? Ну давай посмотрим, что у тебя получается.

(Велия отставляет костыль, ходит. Фальковский делает вид, что удивлен.)

Хорошо... Так-так.

Натан и Велия: Да?!

Фальковский: Я к вам, герои, с радостной вестью. Был только что у главврача — завтра вас выписывают из больницы. По правде говоря, вы тут всем уже надоели.

Натан (крепко жмет ему руку): Матвей Леонович!

Велия (в восторге): Товарищ полковник! Не будь мое имя Шалва Велия... Да нет, вот теперь мое имя Шалва Велия! О! А вот представьте себе, что вы девочка-грузинка. Что вам 18 лет!

Протягивает руку и кружится, как птица, в лезгинке на носках вокруг Фальковского.

Натан (хлопает в ладоши): Асса! Асса!

Фальковский: Ну вот... Таких два беспокойных парня. По правде, как я узнал, вас тут продержали пару лишних дней с бинтами и костылями. Говорят, их могли снять еще несколько дней назад. Да-да. (Натан и Велия переглядываются.) Но это неважно. Здоровее будете.

Натан и Велия: Когда в часть?

Фальковский: Сразу, как только выпишут.

Натан и Велия: Завтра?

Фальковский: Завтра, орлы мои! Тяжело было тут лежать без дела?

Натан: Ну так ведь, на фронтах-то что делается! Уже столько прошли, а мы где?

Фальковский: Орлы! Будут еще битвы, и какие битвы! Вы еще покажете, на что способны!

Натан: Можно готовиться в дорогу?

Фальковский (Натану): Но вы, капитан Райзман, на пару дней должны тут задержаться.

Натан: Что?

Фальковский: Я говорю: вы на пару дней тут должны задержаться.

Натан: Что это значит? (Смотрит на Велия.) Почему?

Велия: Товарищ полковник, мы с ним вместе в теплушке на фронт ехали. Вместе шли в опаснейшие операции, вместе лечились...

Фальковский: А я говорю, что капитан Райзман должен здесь пробыть еще несколько дней.

Натан (не может сдержаться): Я пожалуюсь в командование!

Фальковский: Да хоть командарму. Это в ваших интересах, капитан Райзман.

Велия: Да знаем мы, что все «в наших интересах»...

Фальковский (к Велия): Не в ваших интересах, старший лейтенант, а в интересах капитана Райзмана. (Натану.) Если вам говорят пробыть два дня, то надо просить пять. Поверьте мне.

Натан (разгоряченно): Никогда! Если два дня, то два, но больше ни минуты, ни секунды!

Фальковский: Прямо-таки никогда?

Натан: Если только сам командарм прикажет. Но командарм не может отдать такой приказ!

Велия (растерянно): Ну а как же я?

Фальковский: Вы свободны, старший лейтенант!

Велия собирается идти. Замечает в углу костыль. Ему снова делается весело. Ставит костыль на вытянутый указательный палец и выходит с ним, балансируя. Фальковский подходит к Натану и берет его за плечо.

Фальковский: Герой, не волнуйся! Все будет хорошо. Все будет очень хорошо! Вы еще вернетесь в Биробиджан с полной грудью орденов, и вас будут встречать с оркестром на вокзале. Ну а сейчас — кто виноват, что вы столько ранений получили?

Натан: Надо было быстрее лечить.

Фальковский (смеется): Тут рассказывают, что, когда вас забрали в больницу, вы долго не могли в себя прийти, много в жару бредили, только и делали, что повторяли странные слова, больше всего про какую-то подушечку. Что это за подушечка, капитан Райзман. И ещё — имя?

Натан: Не смейтесь. Я же вам потом рассказал. Вы все знаете. С чего вы вдруг про это заговорили?

Фальковский (улыбается): А что вы скажете, капитан Райзман, если я вам прямо сейчас принесу вашу потерянную подушечку? А?

Натан: О таких вещах не шутят.

Фальковский (не обращает внимания): А в ней хранится дыхание вашей любимой?

Натан: Матвей Леонович, про такие вещи, прошу вас...

Фальковский: Секунду!

На цыпочках выбегает за дверь. Натан ходит по комнате. Дверь открывается.

Натан (вне себя): Ася!

Ася (на пороге): Натан!

Фальковский тоже стоит на пороге.

Новая сцена. Та же комната. Ася одета в военную форму с погонами военного врача. Лежит, закинув руки за голову, смотрит на Натана. Он сидит рядом с ней на диване. Расстегивает воротник гимнастерки.

Натан: Ася... Еще один день остался. А помнишь, дома, до войны... Три недели пролетели, как один день.

Ася: Давно это было, очень давно. (Поднимается, садится на диван.)

Натан: Я сам виноват.

Ася (улыбается): Тебе же хотели дать пять дней?

Натан: Так ведь он, Матвей Леонович, ничего мне не сказал.

Ася: Но главное, что и мне Матвей Леонович тоже ничего не сказал. Как шеф санитарного управления фронта он, конечно, имеет право вызывать врача из одной больницы в другую. Вот он меня и вызвал. Как я тебе рассказывала, мы с ним познакомились, когда он посещал нашу больницу. Знаешь, как он меня называет? Дочерью зовет. Однако, он мне не сообщил, зачем вызывает. А я от тебя опять столько времени ничего не получала. Представляешь, когда я тебя увидела?

Натан: А я? Мог бы хоть три дня попросить.

Ася (делает паузу): Поздно. Я же говорю, что путь сюда был нелегким, отнял больше времени, чем я рассчитывала. Хорошо, что завтра меня самолет забирает, а то бы я опоздала.

Натан: Давай не будем говорить про завтра. Сегодня еще наш с тобой день!

Ася: Хорошо. Расскажи мне что-нибудь, Натан.

Подходит к открытому роялю, играет несколько тихих аккордов.

Натан: Что я могу тебе рассказать? Ты мне и сама ничего не рассказала. Уже почти два дня. Столько времени не виделись.

Ася (сидя у рояля): Порой, когда мне было совсем уж тоскливо, я всё думала: когда встречу с ним, буду говорить, говорить... Рассказ за рассказом. И вот я у тебя уже два дня, а говорить ни о чем не хочется.

Играет еще несколько тихих аккордов. Вдруг спохватывается:

— Как же я могла забыть? Уже два дня, как будто из головы вылетело!

Натан: Ты о чем?

Ася: Хочешь, я тебе песню спою?

Натан: Песню?

Ася: Лежал у меня в больнице украинец, он меня научил.

Натан: А где он сейчас?

Ася: Глаза закрой и внимательно слушай.

Натан ложится на диван с руками за головой, как она до этого.

Ася начинает тихо петь, аккомпанируя на рояле:

Силхн эйсэ штрайтн

Натан (резко реагирует): А?!

Ася (испуганно поворачивается): Что такое?

Натан: Ничего, ничего... пойд.

Ася:

Аф йедн штэг ун вэг...

Натан подбегает к роялю, смотрит на нее с большим удивлением широко раскрытыми глазами.

Ася (сидит к нему в профиль, поет и аккомпанирует):

*Ин ди вайтэ вайтн
Трогт эс мих авэк.*

Натан не сводит с нее глаз. Хочет ей что-то сказать, но сдерживается.

Ася поет:

*Ойх фун дир, майн либе,
Бин их видэр вайт.
Штиле тэг форибер,
Штурэм зей фарбайт.*

*Штурэм, блут ун шлахтн
Аф лэбм ун аф тойт,
Биз дэм тог гегартн,
Вэн зиг вэт уфгейн ройт.*

Вдруг поднимает голову и убирает руки с клавиш.

Натан поет:

*Куриц згевэн ди трэфунг,
Ди цешейдунг – инэл.
Вэр кэн ицтэр трэфн,
Кумэн вэн их вэл...*

Ася замолкает. **Натан** продолжает петь:

*Кумэн вэл их кумэн,
Дос, майн либе, вэйс,
Видэр вэсту блумэн
Цутрогн мир эйс.*

Ася (встает): Ты откуда взял эту песню?

Натан: А к тебе она как попала?

Ася: Но ты — откуда?

Натан (машет рукой): Потом! Пой!

Ася и Натаном поют, она уверенно аккомпанирует:

*Свэт дэр имл видэр
Шайнэн зуник-эл,*

Раздается стук в дверь. Они не слышат. Поют.

*Либе, фрэйд ун фридн
Зайн вэт аф дэр вэлт.*

Входит полковник. Тихо стоит на пороге. Ася с Натаном его не замечают. Смотрят друг на друга и поют:

*Дан фар ундз инцвэйен
Ткумэн ойх ди фрэйд,
Лэцтн вэй цевэйен,
Мэр нит зайт цешейт.*

*Зол ин глик фун вэлт дан
Зайн ундзэр гоб гебрахт.
Из форойс, ви элдн,
Ин герэхтн шлахт!*

Фальковский громко кашляет.

Натан и Ася (вместе вздрагивают): Кто там?

Фальковский (вытирает глаза): Да ничего, внимания не обращайтесь.

Ася и Натан настолько поражены, что действительно не замечают вошедшего.

Ася: Откуда у тебя эта песня, Натан?

Натан: Это я у тебя спрашиваю, откуда ты ее знаешь?

Ася: Я же говорю тебе, лежал у меня в больнице один раненый украинец.

Натан: Гришук! Мы с ним в одной теплушке ехали на фронт. Гармонист Гришук. Он меня, тяжелораненого, вынес с поля боя. Я не знал, буду ли жив...

Ася: А я этому Гришуку свою кровь отдала!

Натан: Твою кровь? Это же моя песня, Ася!

Ася (смотрит широко раскрытыми глазами): Твоя? Ты ее сам...

Натан: По пути на фронт она у меня сложилась. И напев тоже.

Ася и Матвей Леонович удивленно на него смотрят.

Натан: Сочинил я ее... ради тебя.

Ася: Ради меня?

Натан: Я хотел тебе слова в письме послать, но не знал куда. А потом уже не было такой возможности...

Ася: Ради меня?

Натан: Так вот как к тебе попала эта песня... Гришук!

Фальковский: А теперь, ребята... Собственно, я вам что хотел сказать...

(Переминается с ноги на ногу.) Я вас свел, но придется мне вас теперь и разлучить.

Натан и Ася: Как же так?

Фальковский: Из части пришел пакет, товарищ Райзман. Требуют вас туда немедленно, в семь ноль-ноль.

Натан: В часть!

Фальковский (Асе): А вам я должен сказать: согласно распоряжению командования, рейс самолета переносится с завтрашнего дня на сегодня. Самолет тоже вылетает через час, в семь ноль-ноль.

Ася: Через час...

Фальковский: Собирайтесь.

Натан: Мы готовы. (Застегивает воротник гимнастерки.)

Фальковский: Пойду позвоню, чтобы выслали машину. Вы скоро должны быть на аэродроме.

Натан и Ася одни.

Натан: Ну вот...

Ася: Опять...

Натан: А ты мне ничего так и не рассказала.

Ася: Да и ты мне...

Натан: Теперь, будем надеяться, уже ненадолго.

Ася: Как думаешь, когда мы снова встретимся?

Натан: Думаю, что в Биробиджане.

Ася: А помнишь, в начале войны ты мне тогда сказал:

**Мне не вернуться в землю снова,
Пока не дозвучит
Освобожденья слово...**

Натан: Слово сдержу! Уже недолго осталось ждать.

Ася: Да, после Сталинграда... Теперь мы уже после Сталинграда.

Натан (берет ее протянутую руку): Помнишь, Ася, последние дни перед войной? Мы собираемся ехать, переселенцы, братья Чакенберги, наша любовь...

Ася: Да, наша любовь...

Натан: Нет, мало мы любили! (Она припадает к нему.) Что мы знали тогда о любви, о ненависти?

Фальковский (появляется на пороге): Ждут!

Натан и Ася: Мы идем!

Занавес

Картина восьмая

Площадь у кинотеатра в Биробиджане. Вечер. Заходит солнце. Снизу у ступенек стоит Лея Райзман в праздничном платье, в черном шелковом платке. В руках держит небольшой связанный пакетик. С другой стороны стоит спиной военный. С противоположной стороны сквера доносится пение:

**В скверах крúгом пляшут дети,
Веселится весь народ,
И никто, никто на свете
Не нарушит хоровод.**

**На земле в Биробиджане,
Где наш дом и где поля —
Всем, что раньше не хватало,
Тут полным полна земля.**

Лея (прислушивается):

**Уголь, мел, и сталь, и золото,
Хлеб и овощ, дол и лес,
Все хранят и всем богаты
Эти земли до небес.**

Бейла Кройтман (подходит, замечает Лею): Лея! Это Вы? Чтоб мне так жить! Иду и издали вижу, думаю: это, должно быть, Лея Райзман. Чтоб мне не жить, думаю, если ошибаюсь! Сколько ж времени уже не виделись? Так заняты, слышите, в колхозе — не меньше, чем вы на фабрике.

Лея: Уже война кончилась, и все равно много работы. А, Бейла?

Бейла: Пока шла война, работали, сами знаете, по-военному. Вы ведь тоже без дела не сидели. Теперь понемножку новые люди прибывают в колхоз, но работы меньше не становится. Нет! После такой-то войны! Еще будем ее долго, долго чувствовать.

Лея: Вы послушайте.

Обе женщины прислушиваются к пению в сквере.

**Есть и олово в Хингане,
Чудо-мрамор — Биракан,
И река несет волнами
Рыбы целый океан.**

Лея: Вы только что там проходили, Бейла, кто это поет, скажите?

Бейла: Дети, пионеры собрались. С учительницей, с вожатой — блондинка, хорошенькая такая, просто отрада смотреть. Они там репетируют, к празднику готовятся.

Лея: К празднику? Какой нынче праздник?

Бейла: Да, можно же уже петь, можно веселиться. Раз с таким врагом, Гитлером, рассчитались, и с Японией закончено. Дети-то, конечно, правы, имеют право петь. Слышите?

Прислушиваются к пению.

**Враг хотел нас уничтожить,
Сколько жизней он унёс,
Но конец ему положен —
Кровожадный сдохнул пёс.**

**И герои воротились,
И отцы с фронтов, и друг,
Дети, за руки возьмитесь —
Смех и радость всё вокруг.**

Лея: Как они поют? «Смех и радость всё вокруг?»

Бейла: Да, Лея. «Смех и радость всё вокруг».

Пение:

**Всё, что наше, всё, что было,
Силой нашего труда
Стало лучше, чтоб светило
Солнце мира навсегда!**

Лея: «Солнце мира навсегда» они поют?

Бейла: Да, «Солнце мира навсегда».

Пение:

**В скверах кругом пляшут дети,
Веселится весь народ,
И никто, никто на свете
Не нарушит хоровод.**

Лея: Счастливые мамы, счастливые дети...

Бейла: Что вы имеете в виду, Лея?..

Лея: Я имею в виду вот этих детей, которые поют, и их матерей.

Бейла: Вы правы, Лея.

Лея: Да, я права. Но вот они вырастут, дети эти, но вдруг появится какой-нибудь новый чертов губитель, и опять начнут детей от матерей отрывать, и опять...

Бейла: Вы от Натана что-нибудь получали?

Лея: Ничего.

Бейла: Уже давно?

Лея: Ой, уж очень давно. С тех пор, как я у вас в последний раз была.

Бейла: Надо же, а это ведь было, когда вы с фабричной бригадой в колхоз к нам приехали помогать картошку сажать, весной еще, на посевных...

Лея: Да, Бейла, с тех пор.

Бейла: Это было еще до падения Гитлера?

Лея: Да, да... Последний привет я от него получила, когда мы только прорвались в Германию. Он мне тогда писал из их города: «Мама мы уже у ворот врага. Это письмо я тебе пишу прямо в кабинете бежавшего бюргермейстера». Вот так он написал. «Скоро форсируем Одер и будем в Берлине». А с тех пор ничего, ни строчки.

Бейла: А невеста? От нее получали что-нибудь?

Лея: От Аси? Тоже ничего.

Бейла: Они хоть успели еще увидеться?

Лея: Нет. После того единственного раза за всю войну, как я вам рассказывала, они больше так и не встретились. Это было вскоре после Сталинграда... А потом их уже судьба носила отдельно, как две лодки в океане...

Бейла: Что вы говорите! Такая война была, такая война!

Лея: В последнем письме он мне писал, что ничего от нее давно не получал, что след ее где-то потерялся...

Бейла: Смотрите-ка, надо же... А я-то думала! А мы в прошлом месяце читали в колхозе, у меня в бригаде, газету с вашей речью на митинге, когда война с Японией закончилась. Такая подъемная речь. Бабы мои плакали от радости, когда вы там говорите: «Это наши матери, наши сыновья принести нам победу». Потом даже работалось лучше. Я-то

думала: не иначе, как ваши детки уже с вами. Я прямо рвалась к вам на них глянуть, да все не получалось. Вот уже закончим убирать картошку. У нас в этом году большой урожай картошки.

Лея: Нет, сердечная моя, от деток ничего не получала.

Бейла: А я-то думала...

Лея: Что я могу вам сказать? Среди прочих бед это была как капля в море. Теперь, раз мы дожили до расплаты с нашими врагами, в общее веселье я свои слезы, конечно, не буду подмешивать.

Бейла: Однако, тяжело это. По себе знаю. Я ведь тоже...

Лея: Тяжко, Бейла. Но народ радуется, плакать тут не к месту.

Бейла: И все ж таки...

Лея: Война, Бейла, сделала нас не только седыми. Она нас сделала еще и умнее. Вот меня возьмите: кем я была раньше? Обычная мать, мама Натана. А во время войны, когда мой сын там свою кровь проливал, я почувствовала себя матерью всех, кто там воевал вместе с ним. А если бы нет, откуда бы такой человек, как я, на старости лет взял столько сил для труда, чтобы все это пережить?

Бейла: Тут нужно еще особую крепость иметь.

Лейла: А у вас ее разве нет? Мало ли вы потеряли, а как все это время работали! На прошлой неделе я слышала по радио, а вы об этом молчите, как про вас рассказывали. Сказали, лучший бригадир колхоза. Мне очень приятно стало. Порадовалась за вас.

Бейла: Ну а как же иначе? Боль — болью, но работать-то надо. Это ж всё наше... Наши беды, наши труды, наша радость.

Лея: Вот я и говорю.

Бейла: А что это у вас за пакет, Лея?

Лея: Вот этот? А что вы меня не спрашиваете, зачем я стою тут вдруг у кинотеатра?

Бейла: Как раз и хотела спросить. Думаю...

Лея: Сегодня здесь было собрание стахановцев.

Бейла: Вас пригласили?

Лея: Не только меня — всю мою бригаду, пятнадцать человек. А потом выдали премии.

Бейла: Так это премия?

Лея: Радует, конечно, что нас ценят.

Бейла: Представляю себе, вы честно заслужили!

Лея: И вот, выхожу я одной из последних. Куда мне торопиться? Поэтому ненадолго остановилась. Смотрю на город наш и думаю: если бы не война, мы бы гораздо дальше продвинулись. А теперь надо взяться как следует. На собрании у нас про это тоже говорили. Война закончилась, надо засучить рукава. Полно работы!

Бейла: Вот и у нас в колхозе то же самое. Во время войны мы отдавали армии, фронту все, что было нужно, а теперь колхоз, конечно, уже не тот, что был до войны. Мы же были миллионерами! Нужны люди, ох, как нужны люди!

Лея: Сегодня про это говорили, что начнут прибывать демобилизованные. Говорят, что приедут и новые переселенцы.

Бейла: Но теперь-то ты, Лея, сможешь после войны немножко отдохнуть?

Лея: Что ты говоришь! Нет! У меня есть еще силы. Все это, ты думаешь, мне дали, чтобы я отдыхала? Нет, я считаю иначе. Я привыкла за честное слово, за доброе отношение всю жизнь свою отдавать. А нам мало, что ли, добра делают? Такая война была! Ведь, не дай бог, мы были на волосок от гибели, нас бы всех уничтожили. Но наши не позволили, и мы дальше живем! Я не хочу быть в долгу. Если бы, конечно, мне после четырех лет войны пришел еще один подарок, если бы сын вернулся целым и невредимым, но мало ли что... Давайте присядем ненадолго. Что-то ноги ломит. Я ведь уже не молодая. Немножко хорошо и посидеть. Вечер такой ясный, что скажете? Помните, чтобы где-нибудь была такая осень, как в Биробиджане?

Садятся на скамейку, разговаривают. Позже Бейла встает и уходит. Лея остается одна. Военный, который стоял к ним спиной, разворачивается. Это Фальковский.

Фальковский: Так вот он какой — Биробиджан... Больше, чем я себе представлял.

Замечает пробегающего мимо мальчика-пионера, обращается к нему.

Фальковский: Подойти сюда. Как тебя зовут, товарищ юный?

Пионер: Меня? Нохемка. А что такое?

Фальковский: Нохемка? Это мне нравится.

Нохемка: Что вам нравится?

Фальковский: Имя красивое.

Нохемка: А что красивого? Имя как имя.

Фальковский: Во как! Ну, как хочешь. Ты давно в Биробиджане, Нохемка?

Нохемка: Я?

Фальковский: Да, ты.

Нохемка: В смысле?

Фальковский: Я спрашиваю: в Биробиджане ты давно живешь?

Нохемка: Как родился, так и живу в Биробиджане.

Фальковский: Во как! А сколько ж ты уже живешь-то тут?

Нохемка: Впервые вижу: полковник — и такой любопытный.

Фальковский: И много ты уже полковников в своей жизни видел?

Нохемка: По правде говоря, вы первый полковник, с которым мне довелось разговаривать. Но вы столько вопросов задаете...

Фальковский: Это потому что я первый полковник, с которым ты говоришь, а ты первый биробиджанец, с которым я говорю. Я только что сюда приехал.

Нохемка: Вы никогда раньше не были в Биробиджане?

Фальковский: Никогда.

Нохемка: А откуда вы?

Фальковский: Издалека. Но ты уже, я вижу, начинаешь мне ставить вопросы, а на мои так и не ответил. Так сколько тебе лет?

Нохемка: А вы угадайте!

Фальковский: Мне угадать? Попробую. Тринадцать? Угадал?

Нохемка: Ух ты! Не угадали!

Фальковский: Четырнадцать?

Нохемка: Ну, так вы никогда не угадаете.

Фальковский: Меньше? Двенадцать?

Нохемка: Опять не угадали.

Фальковский: Одиннадцать?

Нохемка: А вот это почти правда. Десять с половиной.

Фальковский: О! Вы тут растете в Биробиджане как на дрожжах. Или тут земля такая урожайная, или воздух, или вы тут стоите все время под дождем?

Нохемка: От всего сразу, товарищ полковник! У нас тут все урожайное. Помидоры у нас растут — вот такие! Огурцы — вот такие!

Фальковский: А мальчишки — такие, как ты?

Нохемка: Ну да, раз мы едим вот такие помидоры с вот такими огурцами! (Смеется.)

Фальковский: Ты мне нравишься, Нохемка. Скажи-ка мне, как называется у вас вот та улица?

Нохемка: Вот та? Улица Ленина! Наша центральная. Красивая улица. Вам нравится?

Фальковский: Красивая. А вот эта?

Нохемка: А это Октябрьская улица. А вот там идет дорога через мост к сопке.

Фальковский: А что это там за дом виднеется?

Нохемка: Вот там? Гостиница. А дальше — театр, библиотека, облисполком.

Фальковский: Хорошо, хорошо. Спасибо. Теперь уж я в Биробиджане не заблужусь.

Нохемка: А куда вам надо?

Фальковский: Сначала в гостиницу.

Нохемка: Я могу вас провести.

Фальковский: Как хочешь. Да, пока я не забыл, я тебе должен.

Нохемка: Мне?

Фальковский: Да, тебе.

Нохемка: Вы же впервые меня видите. Что ж вы у меня одолжили?

Фальковский: Именно потому, что я вижу тебя впервые. (Достает из кармана завернутый в фольгу пакетик.) На, возьми!

Нохемка: Что это? Почему вы мне это даете?

Фальковский: Потому что ты счастливый!

Нохемка: Счастливый?

Фальковский: Очень даже счастливый. Когда я взял это там, где взял, дал себе тогда слово: подарю это первому биробиджанскому мальчику, которого встречу. Ты мне навстречу попался первым!

Нохемка: Действительно счастливый! Спасибо. Отвести вас к гостинице?

Фальковский: Как хочешь. (Идут.) Скажи мне, я только что слышал в сквере песню. Собственно, эта песня стала моей первой встречей в Биробиджане. Ты там тоже пел?

Нохемка: Ну да. Я оттуда как раз и иду. Это мы репетируем.

Фальковский: Кто репетирует?

Нохемка: Хор дома пионеров. Вам понравилось, как мы поем?

Фальковский: Очень. Как вы там поете? (Поет.) «На земле в Биробиджане...»

Нохемка: «Где наш дом и где поля...»

Фальковский: «Всем, что раньше не хватало...»

Нохемка: «Тут полным полна земля!»

Фальковский: Хорошая песня.

Нохемка: Вы придете к нам в воскресенье на представление? Мы там будем петь эту и другие песни. И танцы будут. Посмотрите, как мы танцуем фрейлехс.

Фальковский: Фрейлехс? Приду. Если ты торопишься, то иди. В гостиницу я пойду сам. Да, скажи мне: тебе, случайно, не знакома пожилая женщина по имени Лея Райзман? Не подскажешь, где она живет?

Нохемке: Лея Райзман? А зачем она вам?

Фальковский: У меня для нее привет.

Нохемке: От кого?

Фальковский: О, ты тоже любопытный? Так не знаешь?

Нохемке: Нет, не знаю. Имя слышал, но не знаю. Я спрошу у папы. Может, он знает. Вот сидит, видите, женщина. Может, она знает.

Фальковский: Сейчас спрошу у нее. (Пожимает Нохемке руку.) Ну, будь здоров! Еще увидимся, биробиджанец! Как ты говоришь:

На земле в Биробиджане,
Где наш дом и где поля...

Нохемка (поет):

Всем, что раньше не хватало,
Тут полным полна земля.

Исчезает.

Фальковский подходит к скамейке, где сидит Лея. Она встает ему навстречу. Он ее пронизывает взглядом.

Фальковский: Вы... Лея Райзман?

Лея: Да.

Фальковский: Я это почувствовал.

Лея: Я вас в первый раз вижу.

Фальковский: Я подошел к вам спросить про Лею Райзман и вижу...

Лея: Я вас не знаю.

Фальковский: Давайте познакомимся: полковник медицинской службы Фальковский.

Лея: Фальковский?! Вы ко мне с приветом от сына?

Фальковский: С живым приветом!

Лея: Садитесь! Пойдемте ко мне домой. Нет, сидите! Что же вы молчите? Где он? Живой?

Фальковский: Живой!

Лея: Живой... Этого пока достаточно. Откуда вы прибыли, товарищ Фальковский?

Фальковский: Только что из Маньчжурии, из Харбина.

Лея: Он тоже там?

Фальковский: Нет.

Лея: Я все лето ходила к вокзалу, встречала все эшелоны, что сюда приходили. Может быть, думала, встречу его и Асю...

Фальковский: Нет, он остался в Берлине. Я там в последний раз его видел, примерно за неделю до моего отъезда сюда.

Лея: Он здоров?

Фальковский: Он был ранен в день победы, недалеко от Рейхстага. Но не опасно. Через месяц должен выписаться.

Лея: Я уже давно ничего от него не получала.

Фальковский: Наверное, он ждал, пока не выздоровеет. А до этого не было времени писать. Дел было полно.

Лея: Он что-нибудь просил мне передать?

Фальковский: Он не знал, что я здесь буду. Я и сам этого не знал. Но он мне много рассказывал про Биробиджан, про вас.

Лея: Что?

Фальковский: Он все рвался сюда. «Мама, — говорит, — уже истосковалась, Биробиджан истосковался».

Лея: Действительно... А про Асю вы что-нибудь знаете?

Фальковский: Он тоже ничего не знал. Я ее след потерял.

Лея: Натан вам что-нибудь рассказывал о своих планах? Что он собирался делать?

Фальковский: У него был один план: после войны вернуться сюда, к себе домой. «Но один я не хочу туда ехать, — говорит. — Одному мне нельзя туда ехать».

Лея: Кто его знает... Я ведь его тоже давно уже не видела. Вы надолго к нам приехали?

Фальковский: Пока нет. Но в будущем хотелось бы к вам в Биробиджан.

Лея: Неужели?

Фальковский: Натан меня тоже подговорил. Теперь я почти уже решил.

Лея: Он прав, Натан.

Фальковский: Тяжкие времена были во время войны, очень тяжкие. Были времена, когда я совсем уже отчаивался. Много довелось пережить. Я видел Бабий Яр в Киеве. Я был в Освенциме у газовых печей. Прошел по лагерям в Треблинке и Бухенвальде. Видел, как на земле валяются черепа детей. Пепел от их костей в руке держал... Но наше счастье, что здесь, в нашей стране, мы были не одни. У нас тут сильные друзья, сильное государство. Они нам не дали погибнуть. Биробиджан — большое достижение нашего государства. Только что я слышал, как дети в сквере поют. Здоровые дети. И я почувствовал — мы будем жить! Наши корни глубоко, их не вырвать!

Лея: Именно это нам придавало сил все это время. Идемте, товарищ Фальковский. Да, пока я тут с вами говорю, у меня из головы не выходит один вопрос: как вы меня узнали?

Фальковский: Я хорошо знаю вашего сына.

Лея: Мы так похожи?

Фальковский: Наверное. Теперь, когда я вас уже знаю, я бы точно сказал: такой сын мог вырасти только у такой матери!

Лея: Идемте, прошу вас. Вы для меня очень желанный гость. (Идут.)

Фальковский (замечает пакетик на скамейке): Вы что-то забыли.

Лея (останавливается): Ах да, это премия.

Фальковский: Что за премия?

Лея: Мне сегодня ее вручили. Было собрание стахановцев.

Фальковский: Вы работаете?

Лея: Вы же говорите, что узнали во мне мать Натана...

Фальковский: Да, если бы он вас сейчас увидел!..

Лея: Знали ли бы вы, как я его жду... Как только мать может ждать. Биробиджан ждет его и многих таких, как он.

Фальковский: Он приедет!

Лея: Когда?

Фальковский: Я однажды это сказал, в более тяжелые времена, его невесте, и мои слова сбылись.

Лея: А теперь?

Фальковский: Вы знаете, на войне он песню сочинил. Я вам ее спою:

*Кумэн вэл их кумэн,
Дос, майн либе, вэйс,
Видэр вэсту блумэн
Цутрогн мир эйс.*

*Свэт дэр имл видэр
Шайнэн зуник-эл,
Либе, фрэйд ун фридн
Зайн вэт аф дэр вэлт.*

*Дан фар ундз инцвэйен
Ткумэн ойх ди фрэйд,
Лэцтн вэй цевэйен,
Мэр нит зайн цешейт.*

Лея: Это он ей написал?

Фалькович: Да, но я думаю, что не только ей. Я считаю, что это он и вам, и этой земле, что лежит у наших ног, вот этой биробиджанской земле...

Занавес

Картина девятая

Перед занавесом слышится долгий паровозный гудок и быстрый перестук вагонных колес. Над занавесом транспарант:

Горячий биробиджанский привет новым строителям Еврейской автономной области

Лея (появляется со взволнованным и сияющим видом): Уж скоро, скоро они здесь будут! Столько гостей! Такой праздник! Такая радость! (Спешит.)

Нохемка (бежит ей навстречу): Тетенька, а они скоро уже приедут? Да, скоро?

Лея: Да, да, сынок мой! Беги! Зови сюда всех!

Нохемка: Можно сбегать в школу и сказать? Можно?

Лея: Беги, беги, сынок!

Нохемка: Бегу!

Исчезает с песней:

Есть и олово в Хингане,
Чудо-мрамор — Биракан,
И река несет волнами
Рыбы целый океан.

Фальковский (подходит к Лее): Ну, скоро мы вам скажем «Мазлтов»!
Праздник с гостями!

Лея: Много, много гостей! Вам тоже пожелаем «Мазлтов», всем нам «Мазлтов»! Идемте же, чтобы не опоздать!

Доносится звук приближающегося поезда.

Фальковский (идет с Леей): Я могу гордиться, товарищ Райзман! Могу считать себя первой ласточкой этого состава.

Лея: Да! Сколько уже с тех пор, как вы в первый раз к нам прибыли?

Фальковский: Скоро уже два года.

Лея: Да, уже скоро два года. Идемте же, чтобы не опоздать. Вот уже идут от предприятий с оркестром.

Бейла (подбегает в спешке): Я успела? Только что из машины.

Лея: Вы тоже здесь, сердечная моя? Идемте, идемте!

Бейла: Из колхоза прислали встречать. Я тут с целой делегацией. Они там ждут у машин. Хотя бы пятьдесят семей мы сразу же пригласим в колхоз. У нас уже для них квартиры готовы.

Лея: Вот уже идут, с музыкой, с флагами!

В спешке исчезают.

С другой стороны занавеса доносится пение:

**Только-только я поехал,
Но уж хочется назад.
В чувстве ясном, в чувстве нежном
Мост к тебе протянет взгляд.**

Открывается занавес. Подходит эшелон. На заднем фоне распахнутый вагон, обвешанный зелеными ветками, полевыми цветами, украшенный лозунгами, транспарантами, с большим портретом Сталина. В двери вагона — Натан с Асей. Он одет в военную форму, но без погон, с орденами и медалями. Она в красивом летнем платье. Вокруг них переселенцы. Видны трое из братьев Чакенберг: Рувен (совсем седой, с седыми усами), Мойше и Хаим.

Натан (поет):

**К моей милой путь-дорожка,
Скоро встретишь у крыльца,
Чтобы в чистое окошко
Ей смотреть там без конца.**

Поют все вместе:

**Синева вокруг да сопки,
Красотою полон вид,
Где течёт Амур бескрайний
В даль несётся и шумит.**

**Где малые пляшут дети,
Там мой край — Биробиджан,
Где в тайге стояли ели —
Вырос город-великан.**

Натан двигается от двери в сторону приближающегося перрона.

— Мама!

Спрыгивает, бежит, мать спешит ему навстречу с Фальковским, Бейлой, Нохемкой и остальными. Прибывающий вагон продолжает петь:

**Моя радость, моя сердце
Здесь предложит руку мне,
Скажет: ну, держись покрепче,
На лихом скачи коне!**

Натан: Мама! (Обнимает ее.)

Лея: Как долго я тебя ждала, сыночек мой!

Натан: Поэтому я приехал не один! Смотри, сколько братьев я привез с собой, мама!

Поезд останавливается. Танцуют, сходят Ася, братья Чакенберг, переселенцы.

Лея (обнимает Асю): А вот и Ася! Свет мой ненаглядный! Через столько бед, через столько несчастий!

Натан (показывает на прибывших): Вот нас сколько! Принимай нас, мама!

Лея: Чтоб вам здесь было счастливо, дети мои! Братья и сестры мои! В добрый час!

Рувен Чакенберг (смотрит на еврейскую вывеску вокзала): Биробиджан! Биробиджан, братья! Вот он! Дожили! Добились!

Фальковский (обнимает Натана): Помнишь, я тебе сказал: еще вернешься в Биробиджан, и тебя тут будут встречать на вокзале с оркестром?

Натан: Сказал, сказал, дорогой мой, правду сказал! Это наша общая правда!

Фальковский (Асе): А вам, Ася, помните, что я сказал, доченька моя?

Ася: Помню, Матвей Леонович, помню. Но столько радости, столько счастья, аж сердце настезь распахивается! Сейчас ничего не надо говорить. (Натану) Биробиджан?

Натан: Биробиджан, вот он!

Рувен Чакенберг: Вот тут мы и будем! Товарищ Сталин приказал мне стать партизаном, я и стал. А им (показывает на братьев) он приказал идти на фронт, быть в Берлине — они пошли на фронт, были в Берлине. А теперь мы прибыли в Биробиджан!

Лея: Слава вашему приезду, дети мои, братья мои! Мы столько вас ждали и дождались! В добрый час!

Рувен Чакенберг: Братья! Что тут еще говорить? Споем!

Весь эшелон и встречающие, Натан и Ася, запевают. Гремит песня:

**С моей миленькою скоро
Грянут тысячи сюда,
Вместе мы свернем и горы,
И построим города...**

**Стройным деревом воспрянет,
Вольно, гордо заживет.
В бодрой радости предстанет
Обновлённый мой народ!..**

Занавес